

Гюстав Массе

Моё первое преступление

18+

Гюстав Массе

Мое первое преступление

<https://litres.ru/74646877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж, декабрь 1868 года. В городе находят части человеческого тела, а из колодца на улице Пренсес извлекают две отрезанные ноги. Кто погиб? Почему убийца так тщательно скрывал следы? Молодому комиссару Гюставу Массе поручают расследование, в котором нет зацепок. Неизвестная жертва, противоречивые показания, отметки на одежде и поиски свидетелей превращают дело в испытание для начинающего сыщика. Ему предстоит разобраться не только в обстоятельствах жестокого преступления, но и в хитросплетениях парижской жизни: от меблированных комнат и шумных кафе до полицейских кабинетов и политических собраний. «Моё первое преступление» — документальная история расследования, рассказанная его непосредственным участником: с неожиданными открытиями, ошибками, сомнениями и напряжением настоящего детектива.

Гюстав Масе

Мое первое преступление

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ

МОЁ ПЕРВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

БИБЛИОТЕКА ШАРПАНТЬЕ

По 3 франка 50 сантимов за том.

ДРУГОЕ СОЧИНЕНИЕ ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ. — СЫСКНАЯ СЛУЖБА.

(11-я тысяча.) 1 том.

Париж. — Типография Балиту и К°, улица Байиф, 7.

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ

МОЁ ПЕРВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Г. МАСЕ

Бывший начальник сыскной службы

Следуя истине.

ПАРИЖ

Г. ШАРПАНТЬЕ И К°, ИЗДАТЕЛИ

Улица Гренель, 13

1885

Права на перевод и воспроизведение сохраняются.

ГОСПОДИНУ ЭРНЕСТУ ВАССАЛЮ

Бывшему магистрату.

Доблестным сотрудникам Сыскной службы я посвятил свои первые очерки о парижской полиции.

Вам, мой дорогой и прежний наставник, я посвящаю это второе сочинение.

Вы найдёте в нём точный рассказ о моём первом уголовном деле и одно из самых любопытных воспоминаний моей судебной карьеры.

Не ищите развязки этой истории в сборниках знаменитых судебных дел: её там нет. Между тем она могла бы стать одним из самых знаменитых среди них.

Герой моего повествования обладал гением Преступления.

Рука его была опытной и искусной. Он превзошёл Ласенера, который, как вам известно, именовал себя «профессором убийств».

Благодаря своим политическим связям этот соперник мясника Авинена, у которого он заимствовал способ действий, усовершенствовав его, оказался первым в нынешнем столетии убийцей, расчленявшим трупы и сумевшим избежать публичного разбирательства в суде присяжных.

Сегодня его имя предано забвению, а пожары мая 1871 года уничтожили относящиеся к нему административные и судебные дела.

Я записал, как шло перо, то, что видел, слышал, чувствовал. Я делал это нередко со строгостью акта освидетельствования, иногда даже с беспощадной точностью протокола.

Прочитав эти страницы, вы сможете судить, сумел ли молодой секретарь, которому вы тридцать лет назад преподали

первые понятия о судебной процедуре, воспользоваться вашими превосходными уроками.

Всегда признательный вам,

Г. МАСЕ.

Шампиньи, сентябрь 1885 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два городских. — Перекрёсток Бюси. — Незнакомец.

До политических событий 1870 года парижские городские носили на воротнике мундира, прикреплённую серебряным шнуром, одну из букв серий А, В, С, в зависимости от бригады, к которой принадлежали.

Чередование службы трёх бригад А, В, С происходило в течение трёх дней согласно следующей таблице:

Часы службы

1-й день

2-й день

3-й день

С 7 до 10 часов утра

А

В

С

С 10 утра до 2 часов пополудни

С

A

B

C 2 до 5 часов пополудни

A

B

C

C 5 до 9 часов вечера

B

C

A

C 9 часов вечера до полуночи

A

B

C

C полуночи до 7 часов утра

C

A

B

Период от полуночи до семи часов утра обозначался рубрикой «Ночная служба».

C полуночи до двух часов утра весь личный состав ночной

службы находился на улицах.

В два часа половина служащих возвращалась на пост и оставалась там в резерве до прибытия следующей бригады, которая вступала в службу с семи часов.

Днём люди дежурной бригады ходили поодиночке в пределах участка, обозначенного на планах и именуемого «островком».

Ночью, в зависимости от числа имевшихся в распоряжении служащих, каждому патрулю, обыкновенно состоявшему из двух человек, назначался более или менее протяжённый маршрут. Старший шёл по правой стороне улиц, подлежавших наблюдению, а его товарищ следовал по противоположному тротуару, несколькими шагами позади.

Таким образом, между городскими исключались всякие ненужные разговоры, и они были вынуждены внимательно прислушиваться к малейшим звукам, которые могли показаться подозрительными.

В VI округе, где развернётся драма, о которой мы намерены рассказать, тогда насчитывалось в среднем двести служащих, распределённых между четырьмя кварталами, полицейские посты которых находились:

На улице Кристин — для квартала Монне;

На улице Сен-Пер — для квартала Сен-Жермен-де-Пре;

На улице Миссион — для квартала Нотр-Дам-де-Шан;

На площади Сен-Сюльпис — для квартала Одеон, где находились центральный пост, а также кабинет офицера поли-

ции по охране общественного порядка, которому подчинялись все городские округа.

Это краткое объяснение было необходимо, чтобы без путаницы проследить различные этапы загадочного преступления, которое несколькими годами ранее сильно взволновало парижское население.

В ночь с понедельника 21-го на вторник 22 декабря 1868 года на службе находились городские бригады А.

В 11 часов 50 минут вечера Кренсип, молодой помощник бригадира, командовавший полицейским постом на улице Кристин, только что закончил перекличку своих людей, которых было пятнадцать.

Все, кто более, кто менее бойко, отвечали традиционным словом: «Здесь!»

После тщательного осмотра, чтобы убедиться, что каждый способен нести положенную службу, Кренсип зачитал приказы дня, касавшиеся наказаний и наград, дал подчинённым обычные наставления и сообщил им особые указания, имевшие большое значение именно в эту ночь.

Надлежало захватить с поличным при совершении дела шайку преступников самой опасной разновидности. Это были взломщики дверей, превосходно организованные, необычайно дерзкие, чьи подвиги навели ужас на торговцев квартала.

Несколько лавок были разграблены ночью посредством взлома, и произведённые осмотры ясно устанавливали, что

повреждения дверей, окон и витрин, деревянных или железных, имели один и тот же характерный след, то есть следы одних и тех же орудий, которыми пользовались умелые и опытные руки.

В некоторых заведениях инструменты, служившие для взлома упорных запоров, были оставлены на месте, и среди наборов зубил для холодной рубки, воровских ломиков и связок поддельных ключей обнаружили несколько молотков особого вида, до того времени неизвестных.

По форме они довольно сильно напоминали большую катушку; что же касается их состава, он был поистине странным. Это была смесь различных металлов, отлитых в формах, причём сплав был составлен столь искусно, что молотки оказывались одновременно прочными, лёгкими и, что важнее всего, бесшумными. Самые сильные удары не давали отзвука.

Рукоятка, довольно короткая и удобно ложившаяся в руку, была изготовлена не из дерева, а из китового уса, что придавало ей замечательную упругость.

Словом, это были настоящие волшебные молотки, и лишь гений зла мог внушить замысел подобного изобретения.

На этот раз помощник бригадира Кренсип по собственной инициативе, отбросив под стол традиции упрямой и тупой рутины, рекомендовал своим людям не придерживаться обычных маршрутов «островков»; быстро двигаться в разных направлениях, возвращаясь по своим следам; устраи-

вать засады на перекрёстках — одним словом, совершенно изменить правильное, словно рассчитанное по часам движение своего обхода.

У него были самые веские основания так поступать.

Преступники лучше кого бы то ни было знают организацию и обычные маршруты полицейских обходов, равно как и слишком многочисленные подробности службы агентов, и ничто не бывает для них легче, чем узнать час и минуту, когда они смогут совершить кражу в том или ином месте на улице, не опасаясь, что им помешают городовые. По их собственному выражению, они умеют выбрать минуту, когда могут работать спокойно и наверняка.

В заключение своих наставлений Кренсип прибавил:

— Всякого человека с подозрительным видом или манерами, всякого ночного прохожего с тюками, происхождение которых покажется вам сомнительным, надлежит остановить и, если объяснения его будут сбивчивыми, немедленно доставить на центральный пост, где с часу ночи будет постоянно находиться старший бригадир.

Сказав это, он распределил своих людей по двое, и ровно в полночь все покинули пост, чтобы приступить к службе.

Ренге, старый городской, и Шампи, молодой вспомогательный служащий, направились прямо к перекрёстку Бюси, назначенному им центральным пунктом наблюдения. Погода была пасмурной и холодной: чёрный декабрьский холод. Термометр показывал три градуса ниже нуля. По тротуарам

отчётливо раздавались быстрые шаги запоздалых прохожих, возвращавшихся домой.

— Перекрёсток Бюси — превосходное место для наблюдения, — сказал Ренге своему молодому товарищу. — Ах, если бы нам удалось схватить знаменитую шайку!.. Вот была бы для нас удача! — Офицер полиции сразу добился бы вашего назначения штатным городовым, а для меня испросил бы нашивки помощника бригадира. Вот уже два года, как я внесён в список на повышение.

Ренге был парижанином; он уже десять лет служил в префектуре полиции и достиг первого класса, что давало ему право на годовое жалованье в 1500 франков.

Бывший солдат Крымской войны, раненный под стенами Севастополя, он получил военную медаль — этот крест безвестных храбрецов.

Вспомогательный служащий Шампи, уроженец Шомона (Верхняя Марна), тоже с ранней юности мечтал носить мундир защитников отечества; но, оставшись без отца и будучи старшим сыном вдовы, он должен был остаться дома, чтобы поддерживать больную мать и стать защитником младшей сестры.

За два спасения людей, сопряжённые с опасностью, на Марне и Сюизе, двух реках его родного края, префект департамента распорядился наградить его серебряной почётной медалью.

По рекомендации господина Тубая, почтенного торговца

из Шомона, единственного ребёнка которого он спас, Шампи подал прошение о принятии его на должность городского в Париже.

Несмотря на горячую приписку своего покровителя, его прошение едва не осталось без последствий. В то время для вступления в доблестный корпус городских, где подвигам самоотверженности и мужества нет числа, требовалась прежняя служба в армии либо в одном из крупных государственных учреждений. Между тем Шампи не мог представить никаких подобных свидетельств, и это представляло серьёзное препятствие для его приёма.

Однако после зрелого размышления экзаменационная комиссия, приняв во внимание гражданское мужество, проявленное им при двух спасениях, дала благоприятное заключение, и он был принят вспомогательным служащим.

С тех пор как Шампи приступил к обязанностям, он всегда ходил вместе с Ренге, которому было поручено обучать его полицейскому делу. Тот, впрочем, добросовестно исполнял свою задачу, напоминая ему прежнее занятие инструктора солдат в полку.

С полуночи до часу утра оба служащих почти ничего не слышали, кроме стука ставен, возвещавшего о закрытии окрестных кабачков — заведений, по самой своей природе склонных оставаться открытыми как можно дольше и уже весьма многочисленных в 1868 году в этой части великого парижского города.

После закрытия этих питейных заведений кабатчики и кабатчицы, прежде чем окончательно разойтись, назначали друг другу встречу на улице Эколь-де-Медсин, у мамыши Трибор, торговавшей засахаренными фруктами под вывеской «Большой морской узел».

Почти оставленный ныне студентами, перекрёсток Бюси в ту пору ещё оставался центром Латинского квартала. Несколько поколений шумной и прилежной молодёжи сменяли здесь друг друга; и городовые, как по природному добродушию, так и следуя рекомендациям начальства, выказывали немало снисхождения и терпимости этим ужасным великовозрастным детям, которые, разбросав на все четыре стороны свой юношеский задор, становятся людьми серьёзными и степенными.

Привыкший ко всевозможным шумным выходкам, Ренге, чтобы не опровергать старую пословицу «Молодость должна перебеситься», обращал лишь весьма умеренное внимание на обычный гомон студентов и студенток, направлявшихся группами к «Большому морскому узлу». В ожидании, пока на улице станет спокойнее, он пускал в ход всё своё искусство наставника, чтобы объяснить Шампи, который ничего не понимал, чередование букв А, В, С в системе муниципальной полиции.

— Но скажите, — говорил Шампи, — когда ваша буква А несёт службу, как этой ночью, что делает буква В?

— Ну как же! Она отдыхает, — отвечал Ренге.

— А буква С?

— Тоже отдыхает.

— А когда работает В, что происходит с С?

— Эта бригада опять отдыхает.

— Так она, стало быть, всё время отдыхает... Вот лентяи-то, наверное, жир нагуливают... Я рад, что не попал к ним.

— Ничуть не большие лентяи, чем мы с вами, друг мой, потому что в свою очередь... но я объясню вам это после окончания службы, если вы согласитесь зайти ко мне на улицу Монфокон; я покажу вам на бумаге правильное чередование этих трёх бригад. Теперь на улице становится пустынно, надо быть начеку; пора занять позицию. Вот небольшой уголок, где мы легко сможем укрыться.

Место, указанное Ренге, было замечательно удобно для наблюдения за различными улицами, сходящимися на перекрёстке.

Подняв капюшоны своих плащей, оба городских прижались к избранному углу, и их силуэты слились в одну чёрную массу, едва различимую с пяти шагов.

Продолжая разговаривать вполголоса, они осматривали взглядом улицы Дофин, Сент-Андре-дез-Ар, Ансьен-Комеди, Грегуар-де-Тур, Бюси и Мазарин.

Ренге рассказывал теперь Шампи, что один старый, весьма своеобразный учёный, живущий тут в двух шагах, во дворе Коммерс, подарил ему, как и некоторым его товарищам,

небольшую брошюру, содержащую сведения о происхождении названий главных улиц округа.

— Видите ли, — говорил он, — на том месте, где мы сейчас стоим, некогда находились ворота Бюси, снесённые в 1672 году. В 1418 году Перрине Леклерк предал их бургиньонам. — Здесь же в 1792 году были сооружены первые подмостки для записи добровольцев во имя Отечества в опасности...

— Человек с тюком! — живо прервал его Шампи, посмотрев в сторону улицы Мазарин.

— Да, в самом деле, — тихо ответил Ренге, проследив за взглядом помощника. — Этот господин кажется мне подозрительным. Надо будет посмотреть, что он несёт.

— Он вполне может принадлежать к знаменитой шайке, — прибавил Шампи.

— Вот было бы счастье, если бы нам удалось наложить лапу на одного из этих негодяев!

— Полагаю, что на этот раз нашивки помощника бригадира у вас уже в кармане, старина.

— Ох, мои нашивки... Я жду их так долго, что уже начинаю отчаиваться. — Но речь сейчас не о том, будем исполнять свою службу.

— Смотрите, он идёт к нам.

— Ни слова... ни движения! — заключил Ренге, сжав руку товарища.

Оба полицейских замерли неподвижно, наблюдая за чело-

веком, который в эту минуту выходил с улицы Мазарин.

Ночной прохожий быстрыми шагами дошёл до середины перекрёстка и остановился в нерешительности.

При свете уличного фонаря полицейские могли рассмотреть его вволю.

Он был невысок ростом, но довольно плотного сложения. Его коротко стриженные волосы казались чёрными, как и борода.

На голове у него была высокая шляпа, а на плечи он набросил одеяло, отчасти скрывавшее его пальто. Под правой рукой виднелся объёмистый свёрток, тогда как левая рука была продета в обе ручки хозяйственной сумки.

Оглядевшись по сторонам, незнакомец решительно направился ко входу на улицу Грегуар-де-Тур, куда уже собирався свернуть, когда оба городских, внезапно выйдя из своего укрытия, преградили ему путь.

— Куда это, чёрт возьми, вы так спешите в подобный час, нагруженный, словно испанский мул? — насмешливо спросил его Ренге.

Незнакомец, опешив, промолчал.

— Ничего не отвечаете? — продолжал Ренге. — Прекрасно... тогда отправляемся на центральный пост!.. Там вы объяснитесь со старшим бригадиром.

Затем, обернувшись к товарищу, Ренге прибавил:

— Смотрите в оба, друг Шампи, и следите, чтобы он ничего не обронил.

Подобно жандарму старой школы, Шампи вытянулся во весь рост слева от незнакомца.

Овладев собой, тот спросил:

— А где же находится центральный пост?

— На площади Сен-Сюльпис, разумеется! — отвечал Ренге.

— Ах! Тем лучше, — добавил незнакомец; — тогда мы пройдем по улице Пренсес, где я живу, и один из вас, господа, окажет мне любезность, поднявшись ко мне домой, чтобы успокоить мою жену, которая, должно быть, смертельно встревожена. Я должен был приехать в одиннадцать часов вечера; но, к несчастью, поезд сошел с рельсов в Клерво из-за поломки ведущей оси, и мы опоздали на целых три часа; ещё счастье, что руки и ноги остались целы!

— Откуда вы едете? — спросил Ренге.

— Из Лангра.

— Так бы сразу и сказали.

— Как будто вы дали мне на это время. Иду я себе спокойно... вы вдруг набрасываетесь на меня, хватаете, чтобы тотчас отвести в полицейский участок. Попробуйте объясниться, когда вас так теребят...

— Помилуйте! Вы разгуливаете в неурочный час, с тюками... Почему же вы не взяли экипаж с таким грузом?

— Ах! Я с радостью нашёл бы его на вокзале; но у извозчиков, вероятно, имелись веские причины не оставаться на стоянке... впрочем, при таком холоде это понятно.

— А по дороге вам ни один не встретился?

— Мне встречались только городовые, и все поступали так же, как вы. Это уже третий раз, когда мне приходится объясняться с полицейскими. По ночам, когда улица пуста, я весьма люблю встречать вас... но крайне удивлён, что вы так подозрительны. Что изменилось в Париже за те две недели, что меня здесь не было?.. Не опасаются ли какого-нибудь бунта?..

— Нисколько.

— И всё-таки должно же произойти что-нибудь необычное, раз так подозревают добрых граждан. Правительство напрасно так поступает.

Ренге начал находить, что этот господин, который сперва не желал говорить, сделался необыкновенно многословным, и его подозрительность возрастала.

— Вы сказали, что родом из Лангра? — спросил Шампи; — меня это удивляет, потому что у вас нет тамошнего гнусавого и протяжного выговора.

— Я не сказал вам, что я из Лангра, а только что оттуда еду: ведь можно и не родиться где-нибудь, но иметь там дела. У моей жены в Лангре родственники; мне пришлось отправиться туда для улаживания имущественных дел; и дела эти должны были быть весьма важны, чтобы такой зябкий человек, как я, решился зимой на столь далёкое путешествие. Семьдесят пять лье в третьем классе... не считая опозданий, удовольствие невеликое.

— А что вы несёте на плечах? — снова спросил Ренге, подозрения которого не исчезли.

— Ах! Это старое одеяло, которое тётушка Лиза дала мне, чтобы уберечь ноги и колени от холода. Железнодорожные компании мало заботятся об отоплении третьего класса... грелки с горячей водой не для простого народа.

— Может быть, когда-нибудь и до этого дойдут... но что находится в этом свёртке, завернутом в чёрную ткань, который вы несёте под мышкой?

— Два превосходных окорока... великолепных, ей-богу!.. Пощупайте-ка, какие они крепкие... а уж запах от них... даже умирающему возбудит аппетит, — добавил незнакомец с лёгким смешком, опуская на тротуар свёрток, о котором шла речь.

На чёрной ткани полицейские увидели ярлык со следующими словами:

КОМПАНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Станция отправления: Лангр. — Место назначения: Париж.

На этот раз сомнения Ренге рассеялись. Лишь для очистки совести он пощупал окорока, пока Шампи исследовал содержимое сумки и нашёл там горшочек мёда, топлёное масло, каштаны, карамельные конфеты, пряники, которые он признал изделиями города Лангра и его окрестностей.

— Всё в порядке; можете идти, — сказал окончательно

успокоенный Ренге.

— Благодарю! Признаюсь, новое промедление было бы для меня крайне неприятно.

Затем он непринуждённым тоном прибавил:

— Знаете, господа... я не совсем посторонний для вас человек. Я оказываю кое-какие мелкие услуги большим шишкам из вашего ведомства; поддерживаю отношения с господами Д... М... Н...

Последнее названное им имя произвело на Ренге особое впечатление, и тот прибавил со значительным видом:

— А! Я понимаю, в чём дело... ясно... понятно... Вы политический осведомитель; это кухня, до которой нам нет дела. До свидания! Через три дня сочельник... сможете достойно отметить его своими окороками.

— Всегда к вашим услугам, — ответил незнакомец, подбирая свои тюки и удаляясь по улице Грегуар-де-Тур.

В эту минуту часы Института пробили четверть третьего.

Едва скрывшись из виду обоих городских, ночной путешественник, держась у самых стен, ускорил шаг, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться, что за ним никто не следует.

Вскоре он свернул на улицу дю Фур и, дойдя до места напротив улицы Пренсес, внезапно укрылся в углублении, защищённом решёткой, перед домом, построенным с отступом от линии улицы. Некоторое время он стоял там неподвижно, прислушиваясь и настороженно оглядываясь. Не слыша и не видя никого поблизости, он быстро вошёл на

улицу Пренсес, где, по его словам, жил, и остановился перед дверью старого дома, впоследствии перестроенного. Вместо того чтобы искать кнопку или шнур звонка, он нажал пальцем на кованую железную пружину, спрятанную в пазу. Раздался сухой щелчок, и маленькая створка ворот тотчас открылась.

Незнакомец вошёл и осторожно притворил створку, не закрыв её, однако, до конца; затем с уверенностью человека, знакомого со всеми закоулками дома, прошёл по узкому тёмному коридору и вскоре оказался в небольшом квадратном дворе.

Не заметив света ни в одном из окон, выходивших во двор, он подошёл к колодцу в правом углу, поставил на землю свою сумку и свёрток, завёрнутый в чёрную ткань; затем бесшумно поднял створчатую крышку, закрывавшую каменный сруб колодца.

Единственное ведро, служившее для черпания воды, висело на обычном месте, зацепленное ручкой за длинный ржавый загнутый гвоздь, вбитый в стену, образовывавшую нишу.

Странный человек проверил, не загромождает ли что-нибудь отверстие колодца; затем, крепко зажав в правой руке конец бечёвки, обмотанной вокруг чёрного свёртка, вытянул его над отверстием и отпустил в пустоту.

Подозрительный груз исчез, быстро вращаясь вокруг самого себя по мере разматывания бечёвки, и через несколько

секунд достиг поверхности воды, в которую погрузился без шума.

Стремительно раздвинутая вода образовала лишь небольшую рябь, лёгкое плескание — и только.

Человек потянул бечёвку к себе, наматывая её на руку, положил её в сумку, обе ручки которой надел на левую руку, затем ещё раз взглянул на окна, где по-прежнему царила темнота, вернулся назад и вышел из дома, закрыв за собой дверь.

Оказавшись на улице, он слабо улыбнулся, пробормотав: — Огорока теперь в прохладе... могут подождать рождественских праздников. И всё-таки внезапное появление этих двух шпигов поначалу бросило меня в дрожь. Я думал, что крепче духом. Когда меня неожиданно остановили, я едва себя не выдал. Впредь придётся лучше владеть собой.

Часы ратуши на площади Сен-Сюльпис прозвенели в ночной тишине.

— Половина третьего, — сказал себе таинственный человек; — я могу снова пройти перекрёсток Бюси, прежних городских там уже не будет... Смены сменились... Я знаю чередование букв А, В, С.

Действительно, согласно порядку службы Ренге и Шампи возвратились на пост.

Уверенным шагом незнакомец пересёк перекрёсток, свернул на улицу Мазарин и вошёл в дом № 47.

Именно там он и жил.

В доме не было привратника; немногочисленные жильцы имели универсальный ключ и могли свободно входить и выходить, оставаясь незамеченными.

Он медленно поднялся по лестнице и, достигнув третьего этажа, толкнул дверь и вошёл в комнату, слабо освещённую лампой, которая из-за недостатка масла уже готова была погаснуть. Однако она ещё давала достаточно света, чтобы человек, взглянув на себя в зеркало, стоявшее на комод, заметил перемену в своих чертах.

— Как я бледен! — сказал он. — Это от усталости и холода... Меня знобит... Необъяснимо... Впервые в жизни я испытываю чувство страха. Чего, однако, мне бояться?.. Моя работа теперь окончена... Я только что совершил последнюю поездку... всё закончено, и закончено благополучно! Никто никогда не узнает... Ну что ж! Несколько часов отдыха, — прибавил он, начиная раздеваться, — и моя бледность исчезнет. Сегодня я должен быть нарядным и любезным в глазах той, которая вскоре станет моей женой... Я посеял... урожай созрел... остаётся лишь собрать его.

Затем он повернул регулятор угасавшей лампы и скользнул под простыни своей постели.

В восемь часов утра офицер полиции получал отчёт о ночной службе, изложенный следующим образом:

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ

Париж, 22 декабря 1868 года.

VI ОКРУГ

КВАРТАЛ МОННЕ

Бригада А

ПОСТ НА УЛИЦЕ КРИСТИН

Общее наблюдение с полуночи до семи часов.

Краж не отмечено.

Задержаны два бродяги в отхожих местах набережной Гран-Огюстен.

Составлены протоколы о правонарушениях в отношении трёх учеников-фармацевтов за скандал и насилие над одной незарегистрированной проституткой и двумя публичными женщинами.

В участок доставлена женщина, подобранная в бесчувственно пьяном состоянии на улице Дофин.

Ничего особенного не произошло.

Помощник бригадира

Кренсип.

О встрече Ренге и Шампи в отчёте не было и не могло быть ни слова. Поскольку объяснение незнакомца оба полицейских приняли за истинное, ни тот ни другой не могли усомниться в весьма правдоподобном рассказе запоздавшего путешественника.

ГЛАВА II

Рождественские и новогодние праздники. — Обнаружение человеческих останков.

В префектуре полиции принято по случаю Рождества и наступления нового года разрешать продажу под открытым

небом или в будках, устанавливаемых на тротуарах, множества товаров, которые почти исключительно в это время и находят сбыт.

Это временное послабление в пользу нуждающихся мелких торговцев и ремесленников стесняет движение по улицам, но вместе с тем служит источником небольшого заработка для бедных семей и рабочих, оставшихся без работы, которые могут в эти дни продавать изготовленные собственными руками мелкие вещи.

В это время года вопрос о подарках, которые предстоит дарить и получать, становится главным предметом всех разговоров в семьях; это дни радости и счастья для прелестных малышей, которым пока известна лишь заря жизни, вся переливающаяся весёлыми улыбками и приятными мыслями.

Родители на время забывают о тяготах нищеты.

В мыслях каждого отца, в сердце каждой матери загорается надежда.

Повсюду, на улицах, бульварах, перекрёстках, площадях и набережных, вырастают импровизированные лавки, пёстрые от выставленных в них ярких товаров.

Продаётся всё и покупается всё; но главное, что привлекает покупателей, — детские игрушки.

Здесь представлено необычайное множество всяких игрушек, кукол, полишинелей, марионеток, паяцев и прочих клоунов: верное отражение великого маскарада человеческой жизни и современной политики.

Перед этими прилавками, заставленными разнообразными разноцветными предметами, смешиваются все ступени общественной иерархии: рабочий толкается локтем с буржуа, рабочая блуза задевает сюртук, и пролетарии, как и рантье, теснятся, чтобы посмотреть и послушать. Но особенно густо толпятся там, где торговля сопровождается шумной музыкой.

Подобно ребёнку, с которым у него много общего, народ любит шум и гомон.

Барабан, большой барабан, труба и медные духовые инструменты с их разноголосыми звуками были и навсегда останутся его любимыми игрушками.

Когда один год заканчивается, а другой начинается, работа законодательных палат прерывается. Депутаты и сенаторы отправляются на каникулы, совсем как школьники. На парламентском жаргоне этот перерыв называют «перемирием кондитеров».

В эту пору нечто вроде забастовки наступает даже в преступном мире.

Опыт показал, что с приближением праздников Рождества и Нового года посягательства на личность и собственность заметно сокращаются.

Париж тогда необычайно оживлён, даже шумен. Он суетится, ест, пьёт, смеётся, поёт, развлекается и трудится. Для правительства это время спокойствия.

Но деньги, поспешно заработанные множеством мелких

промыслов, получивших временное дозволение, быстро расходуются, и затем каждый возвращается к своим обычным занятиям и заботам.

Когда торговля затихает, нищие, бродяги и воры вновь принимаются за свои прежние подвиги.

Во время рождественских и новогодних праздников на некоторое время забылись действия шайки «Взломщиков дверей», многочисленные кражи которой произвели столь сильное впечатление на население. Способ её действий ясно указывал на существование сообщества, пользовавшегося услугами ловких осведомителей и умевшего замечать свои следы, поскольку до сих пор захватить его не удавалось.

Ежедневные донесения, направляемые муниципальной полицией офицерами полиции двадцати округов, упоминали теперь лишь о незначительных кражах, и торговцы, отчасти успокоившись, воспользовались наступлением нового года, чтобы выразить представителям власти своё полное удовлетворение.

Однако это довольство продолжалось недолго. Вскоре газеты сообщили о новых кражах со взломом, совершённых у разных ювелиров.

К тревоге, вызванной возобновлением подвигов знаменитой шайки, присоединилось беспокойство, порождённое мрачными находками, сделанными одновременно в различных частях столицы.

Прежде всего в сточной канаве на улице Жакоб нашли

кость, самую длинную из тех, что составляют человеческий скелет, то есть бедренную кость, называемую femur. К этому остатку трупа ещё приставал кусок плоти, удерживавший коленную чашечку, в просторечии именуемую «лопаткой колена».

В последующие дни комиссары полиции кварталов Нотр-Дам, Сен-Жермен-л'Осеруа, Инвалидов, Гренель, Берси, Порт-Сен-Мартен и Пон-де-Фландр один за другим направляли в Морг куски человеческой плоти, выловленные из Сены и канала Сен-Мартен, в частности возле плавучих прачечных.

Эти останки неправильной формы имели по большей части около пятнадцати сантиметров в поперечнике и весили едва ли больше килограмма. Их размягчённое состояние, по-видимому, свидетельствовало о трёхнедельном пребывании в воде.

Только один кусок зеленоватой плоти был найден завернутым в обрывок синей бумаги, подобной той, которой маляры пользуются для оклейки внутренних стенок шкафов. Это была смутная зацепка.

Из-за слишком далеко зашедшего разложения невозможно было даже определить, каким орудием производилось расчленение.

Прокуратура начала расследование, и императорский прокурор распорядился произвести тщательные поиски в местах стоянки плавучих прачечных на канале, на участке

между мостом предместья Тампль и бойнями Ла-Виллет.

В результате этих поисков средидохлых собак и кошек, консервных банок из-под сардин и апельсиновых корок были найдены ещё несколько кусков человеческой плоти; однако не обнаружилось ни одной улики, которая помогла бы установить их происхождение.

Собранные в Морге, эти зловещие останки подверглись внимательному осмотру со стороны назначенных для этой цели судебных врачей.

Раскладывая их на секционном столе, чтобы по возможности восстановить тело, эксперты установили, с какой тщательностью были удалены его главные части, которые могли бы помочь установить личность и пол жертвы. Казалось, даже кожа была снята.

Очевидно, расчленение производилось без всякого искусства; тело было искромсано, изрублено и лишено костей без какого-либо метода.

Секретарь Морга обратил внимание судебных врачей на то, что 17 декабря комиссар полиции квартала Сен-Жермен-де-Пре распорядился доставить в это мрачное учреждение человеческое бедро, обёрнутое синим трикотажем с чёрной каймой, которое пробыло в воде лишь несколько дней.

Этот фрагмент, несомненно принадлежавший тому же трупу, присоединили к остальным: это была первая и самая крупная из найденных частей тела.

Несомненно, речь шла о таинственном и ужасном пре-

ступлении, но определить его характер было невозможно. Пока можно было заключить лишь то, что тело взрослого человека, возраст и пол которого ещё не были установлены, разорвали на куски и разбросали по центральным и окраинным районам Парижа.

Префектура полиции не оставалась бездеятельной; однако, несмотря на разумные розыски сыскной службы, получить хотя бы малейшие сведения не удавалось.

Хозяин одной плавучей прачечной, чьё судно стояло на набережной Вальми, близ моста на улице Лафайет, дал следующие показания:

«За несколько дней до Рождества, когда он, как обычно, обходил около одиннадцати часов вечера своё плавучее заведение, он заметил на берегу, неподалёку от прачечной, человека небольшого роста, одетого в длинное пальто и высокую цилиндрическую шляпу. Поведение этого человека показалось ему подозрительным, и он подошёл к нему с фонарём в руке, потребовав объяснить, что тот делает здесь в столь поздний час.

«Незнакомец ответил ему:

«Вы ведь видите, что я делаю. Завтра воскресенье, и я готовлюсь к удачной рыбной ловле. Прикармливаю рыбу, добрый человек». И, доставая из плетёной корзины с двумя крышками, поднимавшимися по обе стороны ручки, куски мяса, он бросал их вразброс в канал».

Зная по опыту причуды любителей ловли на поплавок и

донную удочку, хозяин прачечной спокойно удалился, полагая, что встретил рыболова, одержимого своим увлечением.

Сопоставив даты, удалось установить, что это происшествие случилось в субботу, 19 декабря, то есть через два дня после обнаружения в Сене, близ моста Сен-Пер, бедра, завёрнутого в синий трикотаж.

Между этими двумя событиями существовала странная связь, но странности рыболовов общеизвестны: вполне могло оказаться, что человек, которого остановил хозяин прачечной, был учеником святого Петра.

При таком положении дел можно было напасть на ложный след.

Некоторые отличные сыщики подобны хорошим охотничьим собакам. Если их пустили по следу зайца, трудно переключить их на лисий след, и нередко дичь, за которой хотели гнаться, оказывается упущенной.

Рыболовы вообще люди спокойные и мирного нрава: они кротки, молчаливы и воют не с обществом. Не известно ни одного случая, чтобы рыбак, даже из любви к своему искусству, тратил время на расчленение себе подобного, пусть даже более удачливого соперника, чтобы бросить его в качестве приманки, привлечь рыбу и затем подсечь её.

Если тайна рыболовов и не всегда столь же глубока, как вода, в которую погружается конец их лески, предназначенной обмануть пытливый и недоверчивый взгляд карпа и уса-ча, то их история, в главе «Закоренелые», повествует о том,

что некоторые любители не останавливаются ни перед какими отвратительными манипуляциями ради успеха чудесной рыбной ловли.

Не столкнулись ли мы, случайно, с подвигами фанатика подобного рода, желающего прославиться, пополнив перечень лучших приманок новым продуктом?..

В жизни возможно всё, и всё случается.

Бывают такие непостижимые отклонения, которые ускользают от человеческого разума и всегда приводили и будут приводить в отчаяние врачей-психиатров.

За недостатком более подробных сведений допускались любые предположения.

Тем не менее расследование не продвигалось; правосудие вынуждено было держать под пристальным наблюдением дело, получившее название «Зловещие останки», ожидая новых открытий, которые не заставили себя долго ждать.

Это преступление вызвало большой шум.

Газеты поддерживали в читателях напряжённое ожидание сенсационными статьями.

Некоторые газеты, враждебные Империи, отрицая само преступление, устраивали кампанию против правительства.

«Это ложное известие, — говорили они, — которое пустили в обращение, подобно тому как нечистый на руку финансист пускает в ход какое-нибудь предприятие, чтобы отвлечь общественное мнение от политических событий, сгущающихся на и без того уже сером небосклоне».

Другие газеты, принимая во внимание разложение кусков человеческой плоти, утверждали, что это всего лишь анатомические препараты, и в резких выражениях клеймили поведение студентов-медиков, которые, по их словам, развлекались такими зловещими шутками.

Со своей стороны антиклерикальные газеты, помещая умело составленные короткие заметки, намекали, что ключ к тайне следует искать в монастыре.

«Установлено, — писала одна из этих газет, — исчезновение молодой монахини, которое её духовный наставник был особенно заинтересован скрыть. Мы пока не можем назвать имён и ограничимся лишь тем, что скажем: монастырь, в котором разыгралась драма, находится недалеко от Сены, в том месте, где она выходит из Парижа».

Газеты, выдававшие себя за наиболее осведомлённые, действительно верили в существование преступления, но заранее предсказывали, что полиция, по своему похвальному обыкновению, окажется не в состоянии схватить виновных.

Дело о «Зловещих останках» стало главным вопросом дня. Говорили только о нём, и говорили повсюду.

Для ораторов публичных собраний, как и для газет передового лагеря, это был повод критиковать имперскую политику.

В зале Мольера на улице Сен-Мартен один из этих неистовых крикунов, сопровождая свои слова мелодраматическими жестами и нелепо подражая актёру Меленгу в «Нельской

башне», с негодованием восклицал:

«Да, граждане!.. Сена и канал Сен-Мартен несут обломки трупов, а тюрьмы переполнены нашими мучениками!.. Полиция тратит своё время и деньги налогоплательщиков, наши деньги, граждане, на то, чтобы заключать в тюрьмы защитников демократии! — Вставайте, граждане!.. Пора покончить с этим гнусным правительством!»

«Да! Да! Покончим с ним! — хором отвечали собравшиеся, неистово аплодируя; — пора действовать и свергнуть тирана... Вперёд!..»

И они шли, словно статисты... в соседние кабачки, где и заканчивали вечер.

Студенты, на которых пали подозрения, заявили протест. Они доказали, что если ради учёбы иногда и удавалось вынести под одеждой руку, кисть или ступню для тайных анатомических занятий, то служителям анатомических залов было практически невозможно продавать и доставлять на дом целые и даже расчленённые трупы, поступавшие из Училища или больниц.

Происшествия, которым прежде в газетах отводилось лишь скромное место, начинали приобретать всё большее значение.

Раньше в информационном отделе обычно помещали только сообщения литературного, научного или экономического характера и упоминали лишь людей, причастных к действительно значительным событиям.

Как далеко мы ушли с тех пор!

Сегодня газетная хроника происшествий занимает большое место в ежедневных изданиях.

Сначала драматизированная, затем перешедшая в хронику, она вскоре придёт к «диалогу», своему последнему воплощению.

Такова потребность нашей эпохи.

Она любит болезненные волнения... Ей нужно какое-то грязное и кровавое опьянение.

ГЛАВА III

Колодец на улице Пренсес. — Две человеческие ноги.

+. В. +... ??

Протокол.

ГОРОД ПАРИЖ

ПРЕФЕКТУРА ПОЛИЦИИ

1-е ОТДЕЛЕНИЕ. 1-е БЮРО

ПОЛИЦЕЙСКИЙ КОМИССАРИАТ КВАРТАЛА ОДЕ-ОН

VI ОКРУГ

Предположение о преступлении.

Две человеческие ноги, найденные в колодце на улице Пренсес.

Прилагается судебно-медицинское заключение.

В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, во вторник, двадцать шестого января, в пять часов вечера, перед нами, Маре (Гюставом), комиссаром полиции города Парижа, осо-

бо ведающим кварталом Одеон, должностным лицом судебной полиции, помощником господина императорского прокурора, предстал городской Ренге (сорока лет), состоящий в бригаде А шестого округа, квартала Монне, поста на улице Кристин, избравший своим служебным адресом Префектуру полиции, и сделал нам следующее заявление:

«Я только что закончил свой служебный обход, начавшийся в два часа пополудни... Я собирался вернуться к себе на улицу Монфокон, когда, проходя по улице Пренсес, встретил господина Лампона, давно содержащего здесь заведение для посетителей; он сообщил мне, что извлёк из колодца во дворе дома, в котором живёт и ведёт своё дело, человеческую ногу, уже подвергшуюся разложению. Лампон — мой друг, и я попросил его не рассказывать о находке до тех пор, пока о ней не будут извещены власти. Он обещал мне это; к тому же ему самому невыгодно разглашать обстоятельства дела, поскольку водой из этого колодца он пользуется для своего заведения. Вода, обычно чистая и прозрачная, испортилась. Это озадачило Лампона; он заговорил об этом с женщиной, присматривающей за домом, — несколько помещанной особой, которую за любовь к кошкам зовут матушкой Мишель; но бедная женщина, огорчённая исчезновением любимого кота, отвечала ему только бессвязными причитаниями. Лампон сам объяснит вам, как он вытащил эту ногу из колодца. Я очень хотел бы быть в вашем распоряжении для продолжения этого расследования, если вы сочтёте

нужным. Я давно живу по соседству и знаю всех обитателей улицы Пренсес».

Особым письмом мы просим начальника полиции округа разрешить городовому Ренге и одному из его товарищей, одетому в штатское платье, помогать нам в действиях и расследованиях, которые могут оказаться необходимыми.

Затем в сопровождении нашего секретаря, господина Леруа, мы отправляемся в дом на улице Пренсес, о котором говорил Ренге. Войдя в заведение, где в этот час нет посетителей, мы встречаем господина Лампона, который проводит нас в одну из комнат своего жилища, чтобы вдали от любопытных глаз дать все необходимые объяснения относительно только что сделанной им находки. На наши вопросы он отвечает, что зовут его Лампон (Альфред), что ему тридцать пять лет и что он содержит заведение, где подают еду. Затем он добавляет:

«Уже около двух недель я замечаю, что, когда из колодца, которым пользуются жильцы дома и я сам, поднимают ведро, вода с него брызжет и капает обратно вниз, причём падающие на дно колодца капли производят странный звук. Я велел химику исследовать воду из этого колодца, и он признал её свежей, чистой и столь же здоровой, как дождевая вода. Её превосходное качество делало её пригодной для всех домашних надобностей. Однако с некоторых пор я замечал, что вода, прежде пригодная для питья и приятная на вкус, с каждым днём становилась всё вреднее и отвратительнее. Желая

узнать причину этой перемены, я дождался ухода последнего посетителя, пообедавшего у меня сегодня утром, и спустился в свой погреб, где есть отверстие, позволяющее заглянуть в довольно глубокий колодец. Я зажёл свечу и на верёвке опустил её к поверхности воды; там я увидел нечто блестящее, как будто плававшее на воде. Железным крюком, похожим на большой рыболовный крючок с несколькими зазубринами, мне удалось подцепить свёрток, но три раза он срывался с крюка, тяжело падал на дно колодца и снова всплывал на поверхность. Наконец, с четвёртой попытки мне удалось прочно захватить его крюком и поместить в свой погреб. Это был свёрток, завернутый в несколько кусков ткани.

«Как только я захотел проверить его содержимое, вокруг меня распространился неприятный запах.

«Моё удивление было равно моему ужасу, когда я обнажил человеческую ногу. Я тотчас бросил её вместе с обёртками в пустой ящик, оказавшийся под рукой.

«Я не сумел бы описать вам различных ощущений, которые испытал в эту минуту. Я не считаю себя трусливее других, опасность никогда меня не пугала; но в тишине этого погреба, среди отблесков света, бросаемого моей свечой на старые чёрные стены, покрытые паутиной, мне на мгновение почудилось, будто вокруг меня движутся фантастические тени. Пот выступил у меня на лбу, и дрожь пробежала по всему телу. Я покинул погреб с быстротой преступника, удаляющегося с места своего преступления, позаботившись закрыть за

собой дверь; я боялся, как бы эта человеческая нога не захотела последовать за мной. Я через несколько ступеней взбежал по тёмной и сырой лестнице и остановился в маленьком дворе, который вы здесь видите. Лишь тогда я перевёл дух.

«Мне кажется, что если бы меня увидели, когда я обследовал колодец, и застали в тот миг, когда я разворачивал этот злоеущий свёрток при свете свечного пламени, меня могли бы обвинить и даже арестовать. Я не смог бы произнести в своё оправдание ни слова.

«И поверите ли, я по-настоящему успокоился только с вашим приходом.

«Я одевался, чтобы отправиться известить вас, когда мой друг Ренге прошёл мимо моей двери; я попросил его сообщить вам о моей страшной находке.

«Теперь вам, господин комиссар, надлежит продолжить поиски в этом проклятом колодце, который, боюсь, ещё не сказал своего последнего слова.

«Владелец дома — мой товарищ детства; он живёт в провинции, а я забочусь о его интересах.

«Дом находится на попечении старой девицы, слегка туговатой на ухо, чьи умственные способности сильно ослабели. Мы с владельцем держим её только из сострадания, дожидаясь случая устроить её в какое-нибудь благотворительное заведение.

«Вот уже почти полвека она живёт в этом доме; она привязалась к нему, как плющ к скале, в надежде здесь и уме-

реть. Говорят, прежде она была очень умна; временами у неё бывают минуты полной ясности ума, но они настолько редки и коротки, что едва ли можно рассчитывать получить от неё какие-либо сведения.

«Её зовут Модест Ксору, и родом она из Шампани. Я слышал, что она никогда не хотела выходить замуж. В молодости она была белошвейкой; ей пришлось отказаться от всякой швейной работы вследствие ухудшения зрения.

«Около десяти лет она исполняет, как умеет, и скорее плохо, чем хорошо, обязанности консьержки. Несмотря на её безбрачие, её прозвали матушкой Мишель по причине преклонного возраста — ей семьдесят лет — и её особенно сильной привязанности к животным, прежде всего к кошкам, занимающим первое место в её чувствах. У неё всегда есть две или три кошки.

«Вчера я заговорил с ней о воде в колодце, которая так быстро испортилась; она ответила мне довольно нелюбезно: «Это Блан-Блан, мой чёрный кот, пропал... Бедный Блан-Блан!.. Эта негодница-девчонка, верно, утопила его».

«Мне не удалось узнать, кого она имела в виду, поскольку в доме нет никаких девушек.

«Блан-Блан был прекрасным чёрным ангорским котом, в котором она души не чаяла. Животное исчезло. Я подумал, что оно могло упасть в колодец или что кто-нибудь по злости бросил его туда и что именно оно стало причиной порчи воды.

«Прошлой ночью я размышлял о способах предпринять поиски, результат которых вам известен.

«Жильцов в доме десять, и все они люди мирные; матушка Мишель знает и старых, и новых жильцов. Если никто из них прямо или косвенно не замешан в этом мрачном деле, несомненно, что лицо, проникшее в дом, чтобы бросить на дно колодца найденную мною ногу, знало о существовании колодца и о том, как подойти к нему ночью, никого не встретив.

«Входная дверь дома постоянно заперта; постороннему, желающему войти, приходится звонить, после чего консьержка дёргает шнур.

«Для жильцов же в деревянной обшивке створки двери спрятан железный засов, который достаточно нажать, чтобы освободить пружину, приводящую в действие дверной язычок. Это удобно как жильцам дома, так и консьержке, сон которой не приходится тревожить.

«Секрет очень прост; однако его ещё нужно знать».

Закончив своё заявление, Лампон направляется к входной двери дома.

Две главные створки этой двери, прежде служившей воротами для экипажей, давно уже закрыты наглухо; небольшая дверь, устроенная в правой створке, служит проходом жильцам и другим лицам, приходящим в дом.

Лампон несколько раз показывает действие тайного устройства, открывающего дверь, и одновременно указывает

пшнур, соединённый со звонком в каморке консьержки; затем он ведёт нас по коридору, выходящему в маленький квадратный двор. Войдя в этот двор, он указывает на колодец.

Настоящий старинный колодец, которому больше ста лет, хорошо сохранившийся. Над землёй возвышается обод, высеченный из цельного каменного блока и примыкающий к стене соседнего здания.

Диаметр его отверстия составляет один метр девятнадцать сантиметров; глубина — около двадцати метров. Блок, посредством которого поднимают единственное ведро для черпания воды, подвешен к железному кронштейну, вделанному в стену.

Открыв дверь, мы видим лестницу, ведущую в погреба. Мы спускаемся по этой труднопроходимой лестнице.

Лампон с переносной лампой в руке останавливается перед дверью своего погреба, самого просторного в доме, по его словам.

Дверь закрыта, но ключ находится в замке.

Мы входим внутрь и при свете лампы Лампона и зажжённой свечи, которую несёт наш секретарь, убеждаемся, что погреб заполнен пустыми и полными бочками, бутылками и ящиками. Часть свода покрыта длинными и густыми паутиными сетями.

Чувствуется очень сильный трупный запах.

Лампон указывает на стоящий на земле ящик и говорит: «Нога там!»

На крышке ящика чёрными чернилами большими прописными буквами напечатаны слова: «Валенсийские апельсины».

Сняв крышку, мы видим на дне ящика бесформенную массу, состоящую из обрывков бечёвки, лоскутов ткани и куска человеческой плоти, источающего гнилостные испарения.

Приглядевшись внимательнее, мы замечаем человеческую ногу, кожа которой отделяется от большой берцовой кости, словно кора старой яблони.

Лампон рассказывает, что, вытащив из колодца свёрток, в котором, как он полагал, находился кот консьержки, он ограничился тем, что, не желая «совать руки в эту стряпню» (sic), разрезал своим ножом во всех направлениях обёртку, уже сильно повреждённую крюком, которым он пользовался. Поэтому он не может точно описать способ, каким был закрыт свёрток в момент извлечения.

Через оконце, соединяющее погреб с внутренней частью колодца, мы исследуем его, освещая фонарём, опущенным почти до поверхности воды.

Блестит какой-то предмет, природу которого мы не можем различить.

Возможно, это лишь обман зрения, вызванный освещением.

Чтобы удостовериться в этом, фонарь поднимают, а под ним, на расстоянии пятидесяти сантиметров, Лампон при-

вязывает наполненную бутылку, предназначенную служить зондом.

Фонарь и бутылку опускают в колодец. Бутылка останавливается вертикально на подвижном предмете серебристого оттенка; тот постепенно погружается под воду. Наклонившись набок, он затем выскальзывает из-под бутылки и тотчас вновь всплывает на поверхность.

Следовательно, никакого обмана зрения нет, и предмет, похожий на свёрток, существует в действительности.

Тогда мы принимаем меры, чтобы извлечь его из воды, не повредив. Отложив в сторону четырёхлапый багор, который в просторечии называют «пауком» и которым пользовался Лампон, мы производим несколько опытов с ведром, служащим для черпания воды; этот сосуд слишком узок, а его ручка мешает подвести его под нужный предмет.

Приходится искать другой способ. Лампон приносит широкий таз с двумя ручками, в котором варят варенье. Мы привязываем его за одну ручку к концу колодезной верёвки.

Мы опускаем этот таз сверху до уровня отверстия, проделанного в погребке Лампона, и поручаем нашему секретарю Леруа удерживать верёвку; затем, вновь спустившись в погреб торговца бульоном, просовываем руку через отверстие и подтягиваем медный сосуд за свободную ручку, к которой прикреплена прочная бечёвка.

Наш секретарь позволяет верёвке медленно разматываться на блоке; со своей стороны, мы пропускаем бечёвку меж-

ду пальцами.

Таз достигает поверхности воды, наполняется ею, погружается, вытесняя воду, и проходит ниже свёртка, преграждавшего ему путь. Он останавливается на дне колодца, между тем как предмет, которым мы хотим завладеть, снова занимает своё место на поверхности воды. Поскольку фонарь не даёт достаточно света, чтобы уверенно направлять наши действия, мы зажигаем несколько свечей и подвешиваем их на разной высоте вдоль стенок.

Согласуя свои движения с движениями Леруа, мы постепенно поднимаем таз, и свёрток, подхваченный снизу посередине, сам собой укладывается на дно упомянутого таза.

Таким образом, нам удаётся захватить его, не причинив ни малейшего повреждения.

Подъём продолжается до высоты отверстия. Мы привязываем к гвоздю удерживаемую нами бечёвку, чтобы сосуд оставался в пределах досягаемости рук; затем извлекаем его содержимое и кладём на приготовленную для этого доску.

Наконец, мы приступаем к исследованию свёртка, имеющего пятьдесят сантиметров в длину и двадцать пять в ширину.

Тонкая новая верёвка обвивает его, словно колбасу. Два конца этой перевязи соединены узлом, называемым «розеткой».

Мы разматываем верёвку.

На обёртке, состоящей из куска чёрного перкаля, нет

ни одного разрыва; по обоим концам упомянутого свёртка она скреплена простыми узлами, оставляющими свисающие концы ткани, похожие на заячьи уши; середина свёртка зашита чёрной ниткой. Развязав узлы и вынув нитку, мы снимаем этот перкаль, который в развёрнутом виде имеет площадь один квадратный метр. На двух его сторонах имеются подрубленные края.

Под первой обёрткой обнаруживается другая, состоящая из штанины брюк из рубчатого сукна железно-серого цвета. Часть этой штанины, находившаяся ближе к поясу, отрезана, очевидно, с целью уничтожить пуговицы с выбитым на них именем изготовителя либо с клеймом портного или магазина готового платья.

Эти брюки, по-видимому, были сшиты для человека небольшого роста.

Во второй обёртке мы находим человеческую ногу, подобную той, которую выловил Лампон. Икра развита слабо, но с первого взгляда невозможно определить, принадлежит ли этот останок мужчине или женщине.

Нога, однако, одета в чулок, длина которого показывает, что он мог прикрепляться подвязкой выше колена, у нижнего конца бедра. Этот хлопчатобумажный чулок табачно-коричневого цвета укорочен на несколько сантиметров в верхней части, несомненно, чтобы уничтожить какую-то метку.

Небольшая разница в оттенке ткани позволяет нам заметить, что к нижней части чулка пришита верхняя часть шер-

стяного носка.

На обрезке этого носка имеется полустёртая метка, всё же достаточно различимая, чтобы её можно было восстановить; она состоит из буквы В между двумя крестами.

+ · В · +

Для закрытия свёртка не употреблено ни одной булавки. Все соединения скреплены стежками.

Мы немедленно посылаем за двумя врачами для осмотра этих человеческих останков; а в ожидании их прибытия принимаем меры, чтобы проверить, не осталось ли ещё чего-нибудь подозрительного на дне колодца.

Для этого через городского Ренге мы передаём командиру пожарной казармы, расположенной на улице Вьё-Коломбье, следующее требование:

«Мы, комиссар полиции квартала Одеон,

«Принимая во внимание, что из колодца дома на улице Пренсес только что извлечены две человеческие ноги;

«Что эти останки нисколько не похожи на анатомические препараты, происходящие из анатомического и хирургического театра или одной из парижских больниц;

«Что имеются основания предполагать преступление;

«Просим, а при необходимости требуем от господина командира пожарных предоставить в наше распоряжение достаточное число людей и необходимое оборудование для исследования и осушения упомянутого колодца.

«Постановляем, чтобы нам были переданы все вещи, бу-

маги и предметы, которые могут быть там найдены.

«Составлено в Париже 26 января 1869 года.

«Комиссар полиции,

«Г. Массе».

Городовой Шампи, присоединившийся к своему товарищу Ренге, сообщает о прибытии двух врачей, уже давно состоящих при комиссариате.

Мы велим перенести из погребца в маленький двор две ноги, извлечённые из колодца, положить их на бочку и предлагаем врачам осмотреть их. Оба согласны в том, что ноги отрезаны ровно, выше колена, мясницким ножом и опытной рукой; однако состояние разложения не позволяет им с первого раза высказаться ни о продолжительности пребывания ног в воде, ни о поле человека.

Мы настаиваем, чтобы эти два вопроса были выяснены, так как они необходимы для начала расследования.

Врачи вновь, с величайшей тщательностью, осматривают эти конечности, после чего единогласно заключают:

Что срок пребывания в колодце можно определить приблизительно в один месяц;

Что обе ноги, по-видимому, принадлежат лицу женского пола.

Принеся перед нами присягу согласно предписаниям закона, они составляют соответствующее судебномедицинское заключение.

Поэтому мы отправляем эти человеческие останки в Морг

со следующим предписанием о приёме:

«Мы, нижеподписавшийся комиссар полиции,

«Требуем от служащего канцелярии Морга принять и хранить, в настолько хорошем состоянии, насколько позволяют имеющиеся в его распоряжении средства:

«Две человеческие ноги, одетые в женские чулки, извлечённые сегодня, между тремя и пятью часами вечера, из колодца дома на улице Пренсес.

«Просим его также принять, высушить и продезинфицировать бечёвки, обёртки и ткани, покрывавшие эти останки, равно как и чулок с меткой + · В · +. Впоследствии всё это будет опечатано и снабжено ярлыками с указанием содержания для предоставления в распоряжение правосудия.

«Составлено в Париже 26 января 1869 года.

«Комиссар полиции,

«Г. Массе».

Младший лейтенант Зетлю из пожарного корпуса является в наше распоряжение с отрядом, состоящим из сержанта, капрала и семи пожарных. Они приступают к работе.

Капрал Тема спускается в колодец в обычном для этого снаряжении и после нескольких минут осмотра велит поднять себя, так ничего и не обнаружив.

Пожарные по очереди обследуют колодец, но их поиски также остаются безуспешными.

Все они считают, что воды в нём не меньше двух метров, а тщательный осмотр станет возможным только после того,

как колодец будет осушен.

Тогда приводят в действие их всасывающий насос и работают им с величайшей энергией; однако после трёх часов труда выясняется, что этот насос не способен достичь намеренной цели.

Лейтенант Зетлю уходит со своими людьми, оставив лишь одного пожарного.

Мы немедленно обращаемся письмом к господину директору Генеральной компании ассенизационных работ Рише с просьбой предоставить в наше распоряжение бригаду своих работников и направляем краткий отчёт об изложенных обстоятельствах господину императорскому прокурору и господину префекту полиции.

В одиннадцать часов вечера прибывает бригада, затребованная у компании Рише. Насос приводят в действие.

К полуночи колодец осушен.

Оставшийся на месте пожарный спускается внутрь, осматривает, ищет, ворошит ил, после чего велит поднять себя и заявляет, что ничего не нашёл.

Мы приказываем городовым Ренге и Шампи остаться для наблюдения в доме и отмечать, чтобы впоследствии доложить нам, все происшествия, какие могут случиться в оставшуюся часть ночи.

Мы удаляемся, предварительно завершив настоящий протокол, к которому прилагаем судебное-медицинское заключение, с тем чтобы всё это было срочно передано господину

императорскому прокурору по его частному адресу.

Комиссар полиции,

Г. Масе.

ГЛАВА IV

Правосудие и полиция.

Прежде служивший офицером охраны общественного порядка в X округе, я только что был назначен комиссаром полиции и прикомандирован к кварталу Одеон.

Впервые мне предстояло действовать в качестве должностного лица судебной полиции по делу столь серьёзного характера.

Пользуясь простонародным выражением, можно сказать: дело начиналось скверно, и я предвидел тяжёлую и трудную задачу, которую мне предстояло выполнить, чтобы объяснить присутствие двух человеческих ног в колодце на улице Пренсес. Мне было бы нетрудно отказаться от чести вести это следствие и предоставить прокуратуре поручить его одному из моих коллег, состоявших при судебных поручениях, более старшему и опытному, чем я. Тайное предчувствие подсказывало мне, что я добьюсь хорошего результата; я твёрдо решил получить согласие судебной власти, чтобы самому продолжить только что начатые расследования.

Покинув в час ночи дом на улице Пренсес, где я оставил для постоянного наблюдения городских Ренге и Шампи, я направился в свой комиссариат. По одной из странных административных нелепостей его канцелярии помещались за

пределами моего квартала: они находились на улице д'Ассас, № 33, в квартале Нотр-Дам-де-Шан, так что мои служащие и я сами оказывались под надзором одного из моих коллег.

Такое положение было весьма неудобно для дел, которыми мне приходилось заниматься, и особенно для жителей, вынужденных проделывать значительный путь, что наносило ущерб их интересам.

В хорошее время года они могли сократить дорогу, проходя через Люксембургский сад; но зимой им приходилось делать длинный и неприятный крюк. С тех пор это неправильное положение было исправлено.

Мой кабинет, примыкавший к находившимся в моём ведении канцеляриям, помещался на первом этаже, на уровне земли: свет проникал в него через двустворчатую застеклённую дверь, выходявшую в маленький садик, который непосредственно сообщался с улицей Бонапарта напротив ограды Люксембургского сада.

Таким образом, у меня было два входа: один, главный, доступный посетителям, со стороны улицы д'Ассас, и другой, личный, со стороны улицы Бонапарта.

Поскольку по моём возвращении с улицы Пренсес канцелярии полицейского комиссариата были закрыты, я проник в свой кабинет через отдельный вход.

Господин Леруа сопровождал меня.

Прежде чем отправить мой протокол императорскому прокурору, я наспех составил новый особый рапорт, кото-

рый должен был быть приложен к делу, одновременно вслух диктуя своему секретарю копию для передачи префекту полиции. В нём я изложил свои первые впечатления и личные размышления — всё предположения, которым не место в протоколе.

Ведь протокол, судебный документ по преимуществу, должен содержать только точные факты, которые были увидены, установлены и не допускают никакого сомнения.

Вот, по существу, содержание этого рапорта:

Человеческие ноги, извлечённые из колодца на улице Пренсес, не являются анатомическими препаратами; по-видимому, они принадлежали лицу женского пола, и каждая была завернута в кусок чёрного перкаля площадью в один квадратный метр, концы которого завязаны узлами, оставляющими свисающие края ткани, подобные кроличьим ушам или концам больших товарных тюков.

Такой способ заворачивать и завязывать свёртки двумя узлами, сверху и снизу, употребляется главным образом портными и швеями, но особенно первыми, и, судя по тому, как были завязаны эти узлы, у меня есть все основания полагать, что к этому приложил руку портной; в самом деле, швеи, доставляя работу заказчицам, имеют обыкновение связывать крест-накрест четыре конца своих обёрточных полотнищ.

Поэтому обёртки, в которых находились ноги, кажутся мне рабочими полотнищами портного.

Хозяева больших мастерских пользуются шёлковыми полотнищами; портные более низкого разряда употребляют китайский атлас, а рабочие, трудящиеся на свой счёт, пользуются чёрным перкалем ввиду его дешевизны. Я намерен направить поиски в эту сторону, но в доме на улице Пренсес нет ни швей, ни портных, все жильцы известны как порядочные люди, и я не думаю, что виновного следует искать среди них. Консьержка стара, немного помешана; пока от неё ничего нельзя добиться. Заведение господина Лампона, торговца вином и бульоном, содержится надлежащим образом. Его обычные посетители — рабочие-типографы и служащие магазинов церковных принадлежностей.

Уборные Лампона доступны лишь через заднюю комнату его заведения; во дворе их нет.

На одном из чулок жертвы имеется знак, который впоследствии может представлять интерес: это буква между двумя крестами.

+ · В · +

Этот знак не имеет ничего общего с теми метками, которыми прачки обозначают доверенное им бельё.

В настоящее время у меня нет никаких достоверных данных. Я всё ещё нахожусь в обширной области предположений.

Заканчивая рапорт, предназначенный префекту полиции, я просил его распорядиться передать мне для ознакомления все дела о лицах, пропавших без вести за последние шесть

месяцев и носивших фамилию, начинающуюся с буквы В.

Подписав и закончив рапорты, я поручил городовому, которого вызвал по пути на посту площади Сен-Сюльпис, доставить их вместе с моим протоколом адресатам; затем, просмотрев в журнале текущих происшествий комиссариата жалобы и заявления, поступившие за вечер, ознакомившись с сообщениями о несчастных случаях, сделанными в моё отсутствие, я отправил несколько срочных писем, и наконец, в два часа ночи, мы с секретарём покинули комиссариат, чтобы каждый вернулся к себе домой.

Я жил тогда на улице Вавен, и мне не пришлось далеко идти до своего жилища.

Несмотря на усталость после целого дня, я не мог уснуть всю оставшуюся ночь. Это тёмное дело не давало мне покоя. Сколько я ни ломал голову, мне всё ещё не удавалось ухватиться за конец путеводной нити, которая должна была провести меня через эту тайну.

В обычный для меня час, в восемь утра, я прибыл в комиссариат.

Накануне я разрешил Лампону держать его заведение открытым всю ночь, чтобы облегчить наблюдение городовым Ренге и Шампи, которых я оставил у него, приказав им явиться в комиссариат, как только тот откроется.

Когда я вошёл в свой кабинет, они уже прибыли, и я слышал, как они рассказывали канцелярскому служителю о ночных происшествиях.

— Слух о страшной находке, — говорил Ренге, — быстро разошёлся по кварталу, и после ухода комиссара полиции заведение моего приятеля заполнила толпа, жаждавшая новостей. — За выпивкой каждый высказывал своё мнение. — Рассказывали всякие истории; но я не услышал ни одной мысли, которую стоило бы запомнить. Все жалели, не зная её, эту несчастную женщину с отрезанными ногами, жертву злодеяния, а общее мнение было направлено против полиции, которая будто бы так и не узнает ни имени жертвы, ни имени убийцы.

Заведение не пустовало всю ночь, и Лампон сделал огромную выручку. Ни праздник 15 августа, ни Новый год никогда не приносили ему такой удачи.

— Поверите ли, — прибавил Ренге, — этот большой болван Лампон не оставил у себя таз, который одолжил нам, чтобы выловить вторую ногу... Вид этой посуды на кухне приводил его в ужас. Напрасно я втолковывал ему, что, если её хорошенько вычистить, она будет как новая; он и слушать ничего не пожелал. По его мнению, таз, который сняли с огня, чтобы вылавливать из воды колодца куски трупа, больше не годился для варенья. Поэтому сегодня на заре он пошёл обменять его на другой к Делзоглу, меднику с улицы дю Жендр.

— Побояться ваш приятель мастак, — сказал Шампи.

— Нет, — отвечал Ренге, — он превосходный человек... всегда готов услужить, но на редкость впечатлительный.

Я позвал обоих полицейских; они вытянулись, словно безоружные солдаты, неподвижно и прямо.

Ренге сообщил мне, что консьержка, мадемуазель Ксору, с которой он только что виделся, была ещё более молчаливой и бессвязной, чем накануне... На все обращённые к ней вопросы она отвечала жалобами на Блан-Блана, совсем чёрного кота, который пропал.

— Не думаю, чтобы от этой старой девицы можно было чего-нибудь добиться, — заключил полицейский.

— А я другого мнения, — сказал Шампи; — она, как и я, родом из Шампани, и если она не слишком молодой покинула родные места, быть может, мне, как земляку, удастся несколько разговорить её, пробудив в ней воспоминания о родной земле. Видите ли, место, где человек родился, всегда вертится у него в голове, и, каким бы чудаком он ни был, он никогда его не забывает. К тому же у меня есть одна мысль... Она преследовала меня всю ночь.

— И ты придержал её при себе, боясь, как бы её у тебя не украли, эту мысль, — отвечал Ренге... — Ну же, выкладывай теперь перед господином комиссаром.

— Вот что я хочу сказать: помнишь человека с окороками, который возвращался из Лангра и которого ты хотел отвести на пост в ту ночь, когда мы следили за перекрёстком Бюси?

— Помню, ну и что же?..

— А вот... а вот... сам не знаю, но... словом, не даёт мне покоя этот человечек!

— Что ты о нём думаешь?

— Он сказал, что живёт на улице Пренсес... А что, если это муж матушки Мишель?

— Она старая дева.

— Тогда её любовник?..

— Ей больше семидесяти лет.

— Может, сын?

— Самое большее — внук. Нет, знаешь, друг мой Шампи, по-моему, ты заходишь слишком далеко. Ты молод, в тебе есть пыл и воля, но тебе ещё недостаёт опыта. Повидайся с матушкой Мишель как земляк... Можешь даже поухаживать за ней, если хочешь, но не увлекайся и будь осторожен, особенно с тем, что будешь ей говорить.

Шампи опустил голову, побеждённый, но не убеждённый.

Что до меня, то я молча слушал этот живописный разговор и, сам не очень понимая почему, обратил внимание на слова: перекрёсток Бюси, ночью... улица Пренсес... окорока... маленький человечек... всё это, в свою очередь, вертелось у меня в голове, по выражению Шампи, и я решил позднее расспросить обоих полицейских о подробностях происшествия.

Ровно в полдень я был во Дворце правосудия и велел передать свою карточку господину Дезарно, тогдашнему императорскому прокурору. Через мгновение меня провели в его кабинет.

Этот магистрат, носивший орден, белый галстук и отли-

чавшийся торжественностью позы и речи, принял меня стоя.

— У меня здесь, — сказал он, — протокол и рапорт, которые вы прислали прошлой ночью... Дело серьёзное... очень серьёзное; оно представляется мне сопряжённым с трудностями, не скажу непреодолимыми, но во всяком случае необычными. Во всём этом неизвестное лицо играет первую роль. — Я разделяю соображения, изложенные в вашем рапорте и благоразумно не включённые вами в протокол: эти две ноги, несомненно, принадлежали тому человеческому телу, останки которого вот уже месяц находят повсюду.

Я поручаю следствие господину Дуэ д'Арку, следственному судье; повидайтесь с ним и согласуйте, как вести расследование, а меня держите в курсе дела либо при личных встречах, либо посредством ваших рапортов.

Господин Дезарно вписал несколько слов в оставленные пустыми места печатного бланка, вынутого им из папки, а затем передал мне вместе с моим протоколом документ следующего содержания:

ПРОКУРОРСКОЕ ТРЕБОВАНИЕ

«Императорский прокурор при суде первой инстанции, заседающем в Париже,

«Рассмотрев приложенные документы, из которых следует, что в отношении

«Неизвестного лица

«Имеется подозрение в совершении преднамеренного убийства,

«Руководствуясь статьёй 47 Уголовно-процессуального кодекса и статьями 295 и следующими Уголовного кодекса,
«Требует, чтобы господин Дуэ д'Арк, следственный судья, произвёл расследование в установленном законом порядке.
«В прокуратуре, 27 января 1869 года.
«Дезарно».

С этим документом, который должен был удостоверить мои полномочия перед следственным судьёй, я сперва направился в канцелярию господина Ларусса, главного секретаря прокуратуры, чтобы завести дело.

Этот чиновник, доброжелательность которого вошла в поговорку, принял меня со своей обычной любезностью и, распорядившись зарегистрировать представленные мной документы, вложил их в большую папку из плотной серой бумаги, на лицевой стороне которой была напечатана следующая форма, дополненная им сведениями из прокурорского требования:

ГОСПОДИН ДУЭ Д'АРК. — ГОСПОДИН ...

Номер следственного судьи: ...

Прокуратура суда первой инстанции

Регистрационный № прокуратуры: ... № канцелярии: ...

КВАРТАЛ ОДЕОН

Дата заявления: 26 января 1869 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

Неизвестное лицо, обозначенное буквой X.

№ П. П.: ...

Подозрение в преднамеренном убийстве.

Вещественные доказательства: ...

ПРОКУРОРСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Первоначальное требование: 27 января 1869 года.

Окончательное требование: ... 186...

Дата постановления суда: ... 186...

Получая эту большую папку, я почувствовал, как сильно забилося моё сердце; в руках у меня было дело о моём первом преступлении, основа большого уголовного расследования.

Я отправился к назначенному следственному судье.

Мне никогда прежде не доводилось видеть господина Дуэ д'Арка; но я знал его репутацию человека выдающегося ума и благородного характера. Этому проницательному и просвещённому магистрату обычно поручали разбираться в сложных делах и таинственных драмах.

Меня слегка волновала мысль, что он может назначить вести это дело другого моего коллегу. Я опасался, что моя молодость не внушит достаточного доверия столь тонкому и искусному магистрату, и решил сделать всё возможное, чтобы произвести на него благоприятное впечатление.

Робко я постучал в дверь его кабинета под № 14.

— Войдите, — ответил изнутри низкий голос.

Я повернул дверную ручку.

Господин Дуэ д'Арк только что закончил допрос человека, привлекавшегося к ответственности за двоебрачие.

— Всё, — сказал он жандармам, — можете увести обвиняемого.

Вид папки, которую я держал в руке, достаточно ясно указывал на моё служебное положение.

Я представился и поклонился.

Господин Дуэ д'Арк ответил поклоном, исполненным благожелательной учтивости, и, взяв моё дело, указал мне на стул.

Он с величайшим вниманием прочёл мой протокол и рапорт, затем устремил на меня испытующий взгляд.

Заговорив, я поделился с ним всеми своими особыми замечаниями и наблюдениями, касавшимися приведшего меня дела, — замечаниями и наблюдениями, которым не следовало находиться в протоколе или рапорте.

По мере того как я говорил, я видел, что лицо судьи постепенно проясняется. Когда я закончил объяснения, господин Дуэ д'Арк подверг меня своего рода допросу.

— Как давно вы исполняете обязанности комиссара полиции?

— Год, господин судья.

— А сколько вам лет?

— Тридцать три года.

— Вы очень молоды, чтобы руководить таким кварталом, как Одеон. Вы заменили там человека с самой доброй репутацией, господина Монваля. Я часто видел его на вечерах в Сенате. Он пользовался доверием прокуратуры, а господин

Троплонг отзывался о нём с величайшей похвалой. Он был превосходным комиссаром полиции и вместе с тем выдающимся нумизматом; его собрание медалей весьма любопытно.

— Я знаю достоинства и честность моего предшественника как полицейского комиссара, — ответил я, — и стараюсь следовать по его стопам.

— Ваш квартал не лишён опасностей; студенты шумны, беспокойны... Впрочем, они делают приблизительно то же, что делали в их возрасте все мы; но особенно сейчас они чересчур буйны, и обращаться с ними нужно весьма осторожно и бережно.

— Я сознаю, господин судья, трудность возложенной на меня задачи, но стараюсь быть на высоте положения. Мои начальники, господа Нюсс, начальник муниципальной полиции, и Марсей, генеральный контролёр, секретарём которого я прежде был, рекомендовали меня господину префекту полиции для замещения господина Монваля в квартале Одеон. Под их руководством я научился сочетать твёрдость с доброжелательностью; полагаю, именно такое обращение подходит для студентов. Я молод, это правда, но считаю, что успел приобрести необходимый опыт. Я начал служить в администрации в семнадцать лет; я прошёл одну за другой, и весьма медленно, все ступени административной лестницы. Если сегодня я состою комиссаром полиции квартала Одеон, то обязан этим своему труду и поддержке высокопоставлен-

ных чиновников, под началом которых сделал первые шаги на службе.

— Можно, — сказал господин Дуэ д'Арк, — усердно и разумно исполнять обязанности секретаря комиссариата и при этом не обладать всеми качествами, необходимыми для исполнения обязанностей комиссара полиции, которые делают человека ближайшим помощником императорского прокурора и следственного судьи.

— Я разделяю ваше мнение, господин судья; превосходный секретарь может оказаться посредственным комиссаром полиции. Секретарь лишь содействует ведению судебных и административных дел; имея немного такта и известную долю ума, он может даже в отсутствие своего начальника до некоторой степени удовлетворить посетителей; для этого ему не нужны ни рассудительность, ни тонкость, ни проницательность, ни решительность, без которых комиссар полиции не сумеет достойно исполнить свои обязанности в трудных обстоятельствах. Эти качества, полагаю, можно развить практикой; но, на мой взгляд, приобрести их нельзя: они врождённые и инстинктивные. Как бы умён ни был человек, если у него нет призвания, если он не наделён чутьём и полицейским инстинктом, любовью ко всему неизвестному, которую подогревает преданность профессии, в полицейском деле он останется лишь посредственностью.

В первый год исполнения своих обязанностей парижский комиссар полиции должен показать, на что он способен, и

доказать, что обладает умом, настойчивостью в сочетании с осмотрительностью, словом, всеми качествами, необходимыми для успешного завершения порученных ему дел.

— От всего сердца желаю, — отвечал господин Дуэ д'Арк, — чтобы дело, которое привело вас сюда, дало вам возможность показать, что вы обладаете качествами, о которых говорите; но согласитесь со мной, что при всём вашем усердии, если случай хоть немного нам не поможет, мы окажемся вынуждены сдать дело в архив.

— Что ж, господин судья, будем надеяться, что случай при нашем деятельном содействии окажется благоприятным.

— Подведём итог, — заключил господин Дуэ д'Арк. — Нам так же неизвестна дата исчезновения человека, останки которого находят повсюду, как и его личность, пол, возраст; не знаем мы и места, где он был расчленён. Прежде всего нам предстоит восстановить это человеческое тело, оживить его, заставить говорить.

Имеем ли мы дело с мезьей, непредумышленным убийством или вполне определённым предумышленным убийством?.. Не связано ли дело с нравами? Приближается карнавал; наступает пора маскарадных балов, и вполне возможно, что штанина, которой была обёрнута одна из частей тела, извлечённых вами из колодца, могла одинаково принадлежать одежде как женщины, так и мужчины. Следовательно, это не улика.

— Я тоже не считаю её таковой; но в известный момент

она может оказаться полезной.

Господин Дуэ д'Арк покачал головой.

— Всё в этом деле покрыто тайной; нам остаётся лишь строить предположения... Итак, вы по-прежнему просите возложить на вас труд пролить свет среди этого мрака?

— Это моё самое горячее желание, господин судья, ибо я не теряю надежды в скором времени добиться результата. Но что-то подсказывает мне, что дело, полное загадок и тайн, не дойдёт до суда присяжных.

— Значит, вам что-нибудь известно?

— Ничего, господин судья.

— Тогда я перестаю вас понимать.

— Мне кажется, что какое-нибудь непредвиденное событие ускорит развязку.

— Значит, вы ясновидящий? — прибавил господин Дуэ д'Арк с оттенком недоверчивой иронии.

— Нисколько, господин судья; я не ясновидящий и не верю в сверхъестественное. Я говорю так по интуиции.

Доверьтесь мне: дело, которым мы занимаемся, серьёзно, и я надеюсь, что следующий месяц не пройдёт, прежде чем мы получим разгадку.

— Я дам вам судебное поручение, — сказал господин Дуэ д'Арк, доставая из шкафа красного дерева, стоявшего возле его стола, печатный бланк и протягивая его секретарю суда.

Он продиктовал:

«СУДЕБНОЕ ПОРУЧЕНИЕ.

«Мы, Дуэ д'Арк, следственный судья суда первой инстанции департамента Сены;

«Рассмотрев производство, начатое против неизвестного лица;

«Принимая во внимание, что две человеческие ноги были извлечены из колодца дома на улице Пренсес;

«Что они доставлены в Морг для исследования доктором Тардьё, особо назначенным нами для этой цели;

«Что, по-видимому, они происходят из того же источника, что и другие человеческие останки, недавно выловленные в Сене и канале Сен-Мартен;

«Что необходимо произвести деятельные розыски,

«Поручаем господину комиссару полиции Масе продолжить начатое им расследование; производить все полезные поиски и констатации, направленные на установление личности жертвы и обнаружение убийцы или убийц; опрашивать всех свидетелей; производить все необходимые обыски; изымать и опечатывать все предметы, одежду, бумаги, письма, карточки и записки, подлежащие исследованию, и, наконец, непосредственно передавать нам составленные протоколы и опечатанные вещественные доказательства.

«Составлено в Париже 27 января 1869 года».

Секретарь суда протянул судебное поручение господину Дуэ д'Арку, который, внимательно прочитав его, подписал и передал мне, пожав руку.

— Желаю успеха, господин комиссар! — сказал он, когда

я с ним прощался.

Я горячо поблагодарил его, сказав, что намерен с мужеством приняться за дело.

Выйдя из Дворца правосудия, я направился в Морг.

Дежурил старший служитель Морга; я застал его за приведением в порядок двух ног, которые распорядился туда доставить.

Увидев меня, он сказал, не прекращая работы:

— Господин комиссар, я поспорил на литр вина со своим новым приятелем — этим задавакой, который хочет мне преподать урок (поучить меня), — что эти две «дудки» (ноги), выловленные вами из «водички» (воды) колодца, никогда не носили на себе женщины, — уж я-то разбираюсь в дамских «подпорках» (ногах); совсем не те. Думаю, ваши два квартальных врача побоялись рассмотреть свой товар слишком близко; я же не боюсь поднести к нему нос и, снимая обёртки, сразу увидел, что это не «ходули девки» (женские ноги). Вот увидите, что завтра доктор Тардьё, крепкий знаток своего дела, подтвердит мои слова. Я только что подготовил для него «консервы» (куски человеческой плоти), кость из стока на улице Жакоб и бедро у моста Сен-Пер (кость, найденную в стоке улицы Жакоб, и бедро, выловленное из Сены у моста Сен-Пер).

Господин Тардьё во всём этом разберётся и уж он-то скажет вам, что к чему.

Вы, верно, заметили кусок «портков» (брюк), в которых

«разгуливала» (находилась) одна из ваших «лапы́н» (ног)?.. Так вот, его выкроили из штанов низенького старика, это я вам говорю, и вы сами убедитесь. — А что касается этих двух «дудок», хотя на них и нет волос, я настаиваю, что они не принадлежали женщине.

Я прервал эту цветистую и чересчур простонародную болтовню вопросом, когда мне можно будет опечатать вещественные доказательства.

— Завтра, — отвечал служитель Морга, — вещи высохнут и будут продезинфицированы.

Покинув Морг, я отправился в Префектуру полиции.

Сначала я посетил господина Меттеталя. По распоряжению префекта полиции начальник первого отделения предоставил мне дела о лицах, пропавших за последние шесть месяцев и носивших фамилии на букву В.

Всего их оказалось сто двадцать два: тридцать восемь касались мужчин, а остальные восемьдесят четыре — женщин.

За свою служебную жизнь я заметил, что женщина, создание более тонкое и лёгкое, исчезает проще, чем мужчина.

Я произвёл первоначальную сортировку и немедленно вернул сто восемь дел, которые снова уложили в зелёные картонные папки: цвет надежды, несомненно, потому, что всякая надежда на розыски утрачивается, когда дело погребено в одной из них.

Остальные четырнадцать дел я взял с собой; все они касались лиц женского пола, живших в одном из трёх округов —

пятом, шестом или седьмом.

За каждый из этих документов я выдал расписку, которая заняла в зелёном гробу место отсутствующего дела.

Из первого отделения я отправился к моему прежнему начальнику, господину Нюссу, руководителю муниципальной полиции, чтобы попросить двух сыскных агентов, без которых я не мог обойтись.

Чтобы попасть из одной части управления в другую, мне пришлось пройти через отвратительные временные постройки (ныне исчезнувшие, хотя размещение служб сделалось ещё более временным, чем когда-либо), в которых тогда помещалась Префектура полиции. Мне пришлось пробираться по лабиринту тёмных коридоров, тянувшихся вдоль набережной Орфевр и улицы Арле, где с 1853 года размещались, притом чрезвычайно плохо, все действующие службы муниципальной полиции.

Строительство новой Префектуры полиции было решено уже давно; предполагалось вот-вот приступить к работам и вести их с величайшей энергией; однако составленные, рассмотренные, пересмотренные, исправленные, эти знаменитые планы, столько раз изученные, переделанные и наконец окончательно утверждённые — в самом буквальном смысле этого слова, — также отправились в пресловутые зелёные папки вслед за другими проектами, а пожары мая 1871 года уничтожили архивы вместе с обветшавшими зданиями, в которых они находились.

Прошло пятнадцать лет... а временное положение продолжается. Разместившись частью в казарме Сите, частью в разных зданиях Дворца правосудия, Префектура полиции всё ещё ждёт счастливого часа, когда наконец получит достойное помещение, здание, на которое дают ей право важность её обязанностей и многочисленные услуги, ежедневно оказываемые парижскому населению. Увы! Боюсь, ждать ей придётся ещё долго.

С 1871 года в Нантере за миллионы построили обширный, прекрасно оборудованный дворец, чтобы содержать в нём заключённых; но до сих пор почти не заботятся о том, чтобы достойно разместить большое управление, избавляющее Париж от мошенников, сутенёров, воров и убийц.

Слишком много заботы о благополучии и гигиене преступников, слишком мало или вовсе никакой — о рабах долга и защитниках общества.

Господин Нюсс принял меня, и я попросил у него двух агентов сыскной полиции, объяснив, для чего собираюсь их использовать.

— Раз речь идёт о розыске пропавших лиц, — отвечал мой бывший начальник, — я предоставляю вам инспекторов из одной из розыскных бригад; вы ведь знаете, что именно на них возложены расследования такого рода.

— Именно по этой причине, — ответил я, — мне хотелось бы получить двух агентов сыскной полиции. У меня нет предвзятого мнения или личного предубеждения против ин-

спекторов ваших розыскных бригад... назовём вещи своими именами — политических; но эти люди, привыкшие разыскивать и замечать лишь убеждения граждан, не всегда обладают необходимым опытом и терпением, чтобы шаг за шагом вести уголовное расследование, нередко весьма продолжительное и всегда мало прибыльное. Эти политические служащие стараются работать как можно меньше, зато представлять вам внушительные счета расходов, чтобы вы думали, будто они сделали очень много; кроме того, они склонны во всём видеть и искать политическую сторону, даже там, где политика совершенно ни при чём.

— Однако, — холодно заметил мой прежний начальник, вопреки своему обыкновению при разговорах со мной, — вы не можете отрицать, что агенты розыскных бригад, уже занимавшиеся пропавшими лицами, дела которых я вижу у вас в руках, более других способны продолжить расследования с целью найти людей, которых вы хотите разыскать, или выяснить их судьбу. Благодаря первоначальным розыскам им уже известны семьи и связи людей, которых вы желаете найти; появление новых лиц лишь повредило бы благоприятному результату, на который вы рассчитываете. Всё-таки возьмите двух инспекторов, которых я вам предлагаю и которые явятся в ваш комиссариат завтра утром в девять часов, а если вы останетесь ими недовольны, тогда и решим, что делать.

— Мы потеряем время. Вот увидите...

— Ну полно, — добавил господин Нюсс, дружески хлоп-

нув меня по плечу, — я вижу, что с тех пор, как вас назначили комиссаром полиции, вы питаете предубеждение против моих розыскных бригад. Почему?

— Ах, потому что в качестве комиссара полиции я иногда вижу за работой ваших политических агентов; откровенно говоря, начальник, они не заслуживают похвалы.

— Что ж, вы ещё увидите их за работой, тех двоих, которых я пришлю к вам завтра, и я убеждён, что впоследствии вы придёте поблагодарить меня за их добрую помощь.

— Я желаю этого, но не надеюсь; однако вы так хотите, и мне остаётся подчиниться.

Я ушёл сильно раздосадованный. В прибытии этих инспекторов я видел не облегчение своей трудной задачи, а ещё одно осложнение, с которым придётся бороться.

К несчастью, мои предчувствия оправдались.

В ту эпоху — в 1869 году — существовало, как существует и теперь, в 1885 году, сильное соперничество, ожесточённая конкуренция между всеми действующими службами муниципальной полиции, поставленными под руководство одного начальника, неизменно отдающего предпочтение политической стороне дела.

При Империи, как и при Республике, начальники муниципальной полиции прикрывали неприглядный характер своих политических бригад, прибавляя к обязанностям каждой из них дело, по праву принадлежащее сыскной полиции. В частности, им поручали так называемые розыски в интере-

сах семьи.

Таким образом, самое святое и достойное уважения оказывается отданным политическим агентам. Официально уполномоченные разыскивать исчезнувших людей, они входят в семьи, всё осматривают, расспрашивают, допрашивают и взрослых, и детей. В доме, в дверь которого постучалось несчастье, люди становятся доверчивыми и откровенными; человеку, пришедшему от имени префекта полиции и дарующему надежду вновь найти исчезнувшего члена семьи, любимого ребёнка, ушедшую девушку, отвечают как на исповеди, не подозревая, что цель этого человека — узнать политическую окраску и убеждения тех, с кем он имеет дело. Такова инструкция, таков приказ, и со временем это превращается у него в склонность, которой он уже не может противиться.

Нужно же чем-то оправдать расходование секретных фондов...

Сыскная полиция известна; её агентов любит и уважает публика, которая ценит её характер и знает, что политика — эта таинственная и адская стряпня — ей чужда. Её особая задача — разыскивать преступников, а за каждым исчезновением человека может скрываться преступление.

Опыт показал, что две трети пропавших без вести лиц были либо виновниками преступлений, либо их жертвами.

В моём исследовании о службе сыскной полиции я приводил следующий случай:

«2 мая 1876 года мадемуазель Блонден, любовница стра-

жа порядка Прево, по настоянию своей семьи была объявлена в розыск, и дело передали третьей политической бригаде.

«Восемь дней спустя дело было отправлено в архив с рапортом об отрицательном результате розысков.

«Между тем Прево убил и расчленил мадемуазель Блонден; затем, чтобы спрятать голову, он позаботился закопать её в насыпи укреплений возле ворот Ла-Шапель, в месте, порученном его наблюдению.

«Это первое преступление было раскрыто лишь три года спустя, после нового покушения, совершённого 10 сентября 1877 года тем же стражем порядка в отношении ювелира Ленобля».

Дело наделало немало шума. Было признано необходимым внести изменения в организацию специальных служб. За это принялись со всей серьёзностью; затем об этом вопросе воцарилось молчание, и о нём больше не говорили.

Недавно совершённое, всё ещё загадочное преступление только что вновь обнаружилось; оно снова приведёт всё в движение.

Расследование предписано, и, как в первый раз, его итогом станет обычная отправка дела в архив.

Предстоит установить, когда и при каких обстоятельствах исчезла мадемуазель Менетре (Элоди), владелица недвижимости в Вильмомбле (департамент Сена).

19 августа 1885 года в её саду были найдены полуобгоревшие человеческие кости; её служанка Мерсье (Эфрази),

прежде торговавшая обувью, арестованная в тот же день, теперь содержится в тюрьме Сен-Лазар по обвинению в预умышленном убийстве своей бывшей хозяйки.

В августе 1883 года племянница мадемуазель Менетре попросила господина префекта полиции разыскать её тётку. Её письмо было обоснованным.

Продолжая печальные ошибки прошлого, одну из специальных бригад муниципальной полиции назначили исполнить это поручение, и в её рапорте было указано, что Менетре (Элоди) жива и находится на содержании в доме для престарелых в Великом герцогстве Люксембургском.

Агент, производивший расследование, был уверен в сведениях, которые сообщал начальству: он получил их от обвиняемой; а обвиняемая была весьма заинтересована в том, чтобы ради собственного будущего спокойствия направить представителя префекта по этому ложному, заграничному следу.

После ухода агента бывшая торговка обувью, должно быть, с удовольствием поливала растения, составлявшие цветочную клумбу, под которой была зарыта большая часть костей мадемуазель Менетре (Элоди).

Теперь понятно, почему господин префект полиции никогда не мог представить муниципальному совету сведения о преступлениях и преступниках, раскрытых его чересчур многочисленными розыскными бригадами.

Настанет день, когда в интересах общественной безопас-

ности придётся вернуть сыскной полиции то, что принадлежит ей по праву, и поставить её в непосредственное подчинение магистрата, руководящего полицейским ведомством.

ГЛАВА V

Три пропавших человека: молодая девушка, замужняя женщина, вдова.

Вернувшись из префектуры, я занялся различными подробностями текущей службы, и день прошёл, а мне так и не удалось ознакомиться с делами, извлечёнными из архивов первого отделения.

Вечером я взял их к себе домой и провёл вечер, просматривая и изучая их.

Ночью, когда вокруг всё спокойно и ничто не отвлекает от дела, которым занят, работается легко, а мысли становятся яснее и точнее.

Из изучения этих дел следовало, что из четырнадцати человек одиннадцать покинули Париж, укрывшись кто в провинции, кто за границей.

Оставались трое, следов которых найти не удалось: молодая девушка, замужняя женщина и вдова, проживавшие в кварталах Монне и Одеон.

Замужней женщине, урождённой Бадин Коллетте, супруге некоего Бекруа, работнице по изготовлению зонтов, было двадцать четыре года. 23 декабря 1868 года она покинула супружеское жилище, чтобы последовать за своим любовником, приятелем и портным своего мужа, по имени Майё, по-

следним известным адресом которого была улица Пренсес.

Её муж, Бекруа, был разносным торговцем и жил на улице Гизард; он торговал главным образом сырами, которые с большим искусством располагал ярусами на небольшой ручной тележке. Разнообразие и хорошее качество его съестных припасов принесли ему прозвище Ходячий сыр. Его хорошо знали в окрестностях рынка Сен-Жермен, и зарабатывал он не менее десяти франков в день.

Его жалоба префекту полиции по поводу жены была довольно своеобразна. В причудливом слогое он просто требовал возвращения неверной под супружеский кров и твёрдо обещал впредь не заказывать одежду у своего бывшего приятеля Майё. Орфография письма вполне соответствовала его слогу.

Несмотря на настойчивые просьбы и обязательства Бекруа, его жена оставалась ненайденной.

Одну из двух других пропавших звали Куран Бальбина, вдова Бернье; ей было двадцать семь лет, она занималась шитьём и в течение пяти лет занимала на улице Сен-Сюльпис небольшую, довольно изящно обставленную квартирку.

В воскресенье, 20 декабря, утром она вышла нарядно одетой и, оставляя ключ консьержке, сказала ей: «Я уезжаю на два дня; не забудьте давать воды Фифи, моей маленькой канарейке...» Больше её не видели... а Фифи умер от жажды.

Спустя несколько дней после её отъезда родственники, извещённые консьержкой, потребовали её розыска; но

все предпринятые попытки её отыскать остались тщетными (канцелярский слог).

Это было странно. За несколько дней до 20 декабря она получила от господина Пулена, нотариуса в Рёйи-ле-Реаль (департамент Алье), десять тысяч франков, доставшихся ей по наследству от старой тётки. Она ожидала этих денег, чтобы вступить во второй брак со своим двоюродным братом.

Детей у неё не было.

Её исчезновение очень заинтриговало её родных, соседей и всех, кто знал её жизнь и размеренные привычки.

Другая исчезнувшая и также не найденная молодая девушка звалась Аньес Бевю. Она была родом из Нантера, ей было семнадцать лет, и она служила ученицей у известной модистки на улице дю Бак, которая сохранила некоторые обычаи прежних времён, в частности обычай пользоваться услугами мальчика-посыльного.

Всем знаком такой посыльный, если не по собственным наблюдениям, то хотя бы понаслышке.

Разнося заказы клиенткам своей хозяйки, Аньес Бевю всегда ходила в сопровождении своего посыльного, помогавшего ей нести шляпные коробки: она так к нему привыкла, что уже не могла выходить без него позади себя.

А он-то!.. Он уже не мог обходиться без своей Аньес!

Своим умом шаловливой и озорной девушки Аньес Бевю однажды рассудила, что постоянно позволять кому-то идти за собой со временем становится скучно, и решила в свою

очередь последовать за ним. В одно прекрасное утро — первого января — модистка и посыльный исчезли.

Мать Аньес, прежде торговавшая дамскими нарядами, а в то время находившаяся на содержании у хормейстера Оперы и проживавшая на набережной Гран-Огюстен, узнав о похищении дочери, закричала, словно перепуганная цесарка. Весь день она изливала свои жалобы перед соседями.

— Этот негодяй... этот мерзавец Кастор — так звали посыльного — он получил мою дочь в новогодний подарок... ангела чистоты и невинности! — Но какие чары он пустил в ход, чтобы её соблазнить, со своей физиономией, словно обтёсанной ударами кирки? Ведь у него не человеческое лицо; его морда — нечто среднее между лицом жокея и мордой обезьяны.

Каждый день и перед всеми она повторяла одни и те же жалобные причитания.

Прочитав все бумаги в деле Аньес Бевю, я почти убедился, что Кастор Элуа, уведя девушку, едва ли помышлял о том, чтобы предаваться хирургическим опытам.

Однако ради очистки совести следовало узнать, что случилось с влюблённой парой.

На следующее утро, в девять часов, согласно распоряжениям начальника муниципальной полиции, ко мне в комиссариат явились два инспектора одной из специальных бригад. Это были те самые люди, которые уже занимались поисками трёх лиц, подлежащих розыску.

— Поскольку вам было поручено провести первые розыскные действия в отношении этих трёх женщин, вам известны все обстоятельства дела, равно как и лица, у которых можно с пользой навести справки. Повидайтесь со всеми этими людьми ещё раз, не пренебрегайте ни одной подробностью и, главное, оставьте в стороне все сведения политического характера.

Ознакомьтесь со всеми этими бумагами: в них речь идёт о ногах, извлечённых из колодца. Я особенно советую вам запомнить подробности относительно обёрточных полотнищ и портных, которые ими пользуются. Постарайтесь сделать всё как можно лучше и как можно скорее.

Я дополнил эти наставления рассказом обо всём, что было сказано, сделано и установлено; затем отпустил инспекторов, заметив им, что самым серьёзным следует считать дело о госпоже Бекруа.

На следующее утро они представили мне довольно пространственный рапорт.

Согласно их расследованию, вдова Бернье стала любовницей брата своего хозяина, владельца недвижимости в Сен-Клу, который увёз её в увеселительную поездку в Ниццу. Оттуда она написала своему двоюродному брату, будущему мужу, вольнодумцу. После брака — свободный союз: несомненно, для того, чтобы изучить и сравнить преимущества и неудобства этих двух положений.

Что касается Аньес Бевю, то она вернулась к матери.

После двухнедельного пребывания в меблированных комнатах в Нантере посыльный Кастор удрал, оставив девушку у виноторговца, сдававшего комнаты, в залог за стоимость еды и жилья.

Осознав свою опрометчивость, Аньес назвала адрес матери. Содержатель постоянного двора явился к той, чтобы предложить вернуть ей дочь за уплату ста восьмидесяти двух франков.

Мать Бевю сначала, по своему обыкновению, подняла страшный крик, а затем упала в обморок после нервного припадка. Но поскольку хозяин грозил добиться ареста девушки за мошенничество, она, не переставая ворчать, согласилась заплатить и отправилась с трактирщиком за своим чадом.

— А что, если она убежала в ваше отсутствие? — спрашивала она хозяина по дороге.

— Этого можно не опасаться! Поскольку ваша голубка была моим единственным залогом, я запер её в своём подвале, вот ключ от него. Будьте спокойны, дверь крепкая и стены тоже. Возможно, ваша дочь впервые в жизни находится в безопасности.

— Какое несчастье для меня, сударь! — всё ещё причитала бывшая торговка нарядами. — Моя дочь, ангел... ведь она родилась в Нантере, краю добродетели!

— И в самом деле, теперь ей едва ли удастся претендовать на звание розьеры.

Мать Бевю вновь обрела своего падшего ангела, дав себе слово впредь не помещать её в дома, где имеются мальчики-посыльные.

Теперь я знал о судьбе и приключениях вдовы Бернье и Аньес Бевю; но в отношении жены торговца сырами не удалось получить никаких сведений.

Последний непременно хотел, чтобы две ноги, находившиеся в Морге, принадлежали его жене.

Узнав, что я распорядился произвести розыски, он пришёл ко мне, и мне пришлось выслушать историю его супружеских несчастий.

— Этот подлец Майё, — добавил он, — жил на улице Пренсес, возле дома с колодцем, который ему был известен, и именно в своих обёрточных полотнищах он спрятал ноги моей Коллетты... О, жалкий негодяй, попадись он мне в укромном уголке!

— Но всё-таки зачем ему было расчленять вашу жену?..

— Чтобы взять себе другую. Он людоед, и Коллетта не первая замужняя женщина, которую он отвратил от её обязанностей. У него пропало уже несколько женщин. Его комната — комната Синей Бороды.

— Если вы знали, как он ужасен, зачем же принимали его у себя?

— Он рассказывал мне такие забавные истории... я люблю смешные истории; они меня смешат.

— Вы любите смеяться над другими; теперь смеются за

ваш счёт.

— О! Это правда; но всё же я хотел бы увидеть эти ноги; я уверен, что узнаю ноги моей Коллетты, если кто и способен их узнать, так это я... и Майё... Но Майё ничего не скажет.

— Для вас это не будет любопытным и развлекательным зрелищем. Кроме того, придётся хорошенько подумать и остеречься ошибки. Врачи не смогли с уверенностью определить пол человека; если произойдёт ошибочное опознание, оно повлечёт за собой ненужные действия и отвлечёт расследование от его истинной цели.

Были ли на чулках вашей жены особые метки?

— Да, буква В.

— Она была расположена так же, как здесь:

+ · В · +

между двумя крестами?

— Нет, только буква В с точкой из красной хлопчатобумажной нити.

— Ваша жена иногда носила короткие чулки?

— Мужские носки?.. Вы тоже хотите посмеяться надо мной...

— У меня нет такой привычки.

— Покажите мне ноги, и я уверяю вас, что узнаю их.

— Что ж! Приходите завтра, в пятницу, в час дня в Морг, там мы увидимся с доктором Тардьё и установим, кому принадлежали эти две ноги.

— Пойти в пятницу в Морг?.. О! Никогда, сударь! Это

принесло бы мне несчастье. Коллетта была суеверна, словно старая картёжница; да и сам я так суеверен, что никогда не покупаю товар по пятницам; вот почему мои сыры лучшие в Париже, самые знаменитые, и...

— Довольно. В субботу будет слишком поздно. Я не могу ради вашего удовольствия изменить дату, назначенную правосудию; к тому же чем дольше откладывать этот осмотр, тем труднее будет узнать ноги вследствие разложения, уже весьма далеко зашедшего. Итак, решайтесь.

Чтобы побудить торговца сырами покинуть мой кабинет, я встал и пошёл открыть дверь, говоря ему с многозначительным жестом:

— Договорились: завтра, в пятницу, в час дня, в Морге.

— Ну что ж! Да, сударь, я буду там, — ответил Бекруа, направляясь к двери. — Речь идёт о Коллетте, и я не должен ничем пренебрегать; будь что будет, даже если со мной случится несчастье!

ГЛАВА VI

В Морге. — Доктор Тардьё.

Морг всегда вызывает воспоминание о несчастье.

Он внушает то чувство отвращения, которого последовательные преобразования и усовершенствования не смогли полностью его лишить.

Его прежний мрачный и зловонный облик исчез, уступив место муниципальному учреждению, имеющему официальное назначение.

Сегодня здесь производится открытое для публики исследование при полном свете дня; однако во всём этом учреждении ещё слишком ощутим могильный холод.

Непредвиденное играет в жизни величайшую роль; и никому не дано поручиться, что завтра он не будет лежать на одной из новых каталок Морга.

Безымянные жертвы наших гражданских войн 1830, 1848, 1851 и 1871 годов лежали на его прежних каменных плитах; и, по непонятной непристойности, туда же после сражения при Бюзенвале распорядились доставить тела граждан-солдат, павших на поле чести при защите Отечества.

Среди этих безвестных мучеников я узнал молодого и уже знаменитого Анри Реньо.

В 1881 году, 5 сентября, после ужасной железнодорожной катастрофы, произошедшей в Шарантоне, я установил, что среди убитых пассажиров, доставленных в Морг, находились люди, которые никогда не бывали в Париже.

Сколько знаменитостей самого разного рода, внезапно умерших на улице, попадало в этот дом!

Сколько людей, даже не знавших об этом погребальном здании, было выставлено здесь на жадные или равнодушные взгляды толпы!

О Морге написано немало.

Смешивая исторические факты с плодами воображения, многие романисты сплетали вокруг него самые разнообразные рассказы, столь же причудливые, сколь и фантастиче-

ские.

Однако одних действительных событий было бы достаточно, чтобы написать его историю.

У него есть своя книга регистрации поступивших.

Живая книга посреди всех этих мертвецов.

Его статистика с указанием происхождения поступающих к нему людей подводит итог его деятельности и, соединяя прошлое с настоящим, составляет мрачное собрание таинственных смертей, большей частью смертей людей, отчаявшихся в жизни, чей печальный конец, нередко безмолвный, порой потрясающий, исполнен неожиданностей и подлинных драм.

Где найдётся человек, настолько одарённый, чтобы повествовать историю этих несчастных, чья скорбная участь завершилась в этом прибежище смерти?

Как и было условлено накануне с торговцем сырами Бекруа, в пятницу, в час пополудни, я отправился в Морг, куда только что доставили пять трупов, долго пробывших в воде и потому ставших неузнаваемыми.

Какой смертью погибли эти несчастные?...

Несчастный случай... самоубийство... или преступление?

Непроницаемая тайна!

Я спросил у служащего канцелярии, дежурит ли самый старший из работников Морга, с которым я встретился несколькими днями раньше. Мне хотелось иметь дело имен-

но с ним, потому что из живописных выражений, которыми он пользовался при нашей первой беседе, я заключил, что он обладает качествами, необходимыми для исполнения своих обязанностей.

— Идёмте, — сказал мне служащий; — мы найдём его за обычными занятиями.

Войдя в приёмное помещение, я увидел его лицом к лицу с неизвестной женщиной, выловленной тем утром из канала Урк. Он только что закончил раздевать труп, члены которого отделялись при малейшем толчке, настолько далеко зашло разложение.

Увидев нас, он сказал мне, не отрываясь от работы:

— Можете опечатавать вещественные доказательства, господин комиссар; обёртки, в которые были завёрнуты ноги, чистые и сухие. Знаете, на одной из этих ног, правой, имеется след довольно заметного рубца; это будет для вас хорошей уликой.

Продолжая разговаривать, он поворачивал труп с боку на бок, стараясь обнаружить ушиб или рану, которые позволили бы установить род смерти; и, к его чести следует сказать, он добросовестно исполнял свою отвратительную работу.

— Я не вижу, — сказал он служащему канцелярии, — на теле этой женщины ни следов насилия, ни татуировок. Замечаю, что у неё недостаёт трёх зубов в нижней челюсти. На её белье нет меток; только в подкладке её белой нижней юбки я нашёл расписку на имя вдовы С..., подписанную бакалей-

щиком из Обервилье. Вот эта бумага; она может пригодиться для опознания.

— Этот человек, каким вы его видите, — сказал мне вполголоса служащий канцелярии, — настоящее провидение для врачей, которым поручают вскрытия. Помимо тысячи мелких услуг, оказываемых им при подготовке тел к исследованию, он в зависимости от времени года безошибочно определяет, сколько дней труп пробыл под водой, и нередко по состоянию пальцев, кистей рук, стоп или коленей узнаёт, каким ремеслом занимался покойный. Он счастлив, когда ему удаётся установить личность неизвестного. В этом его радость, его торжество. Из него непременно вышел бы хороший агент сыскной полиции. Я много раз предлагал назначить его на такую должность; но начальство всегда отвечало мне:

— Можете вы его заменить?

— Нет.

— Тогда оставьте его у себя, раз он вам полезен.

— Вас, быть может, считают начальником сыскной полиции мёртвых, — ответил я служащему канцелярии.

Тот улыбнулся и продолжал:

— Честность этого человека равна его уму. Недавно один немец, которого никому не удалось опознать, пустил себе пулю в голову в саду Тюильри. В его ботинках работник нашёл 10 000 франков банковскими билетами. Он мог присвоить эту сумму так, что никто бы об этом не узнал; но добросо-

вестно передал её мне на хранение. Здесь мы отвечаем только за вещи и ценности, указанные в распоряжениях о доставке трупов; между тем комиссар полиции этой суммы не обнаружил. Впрочем, господа комиссары не имеют возможности производить самый тщательный обыск тел; и нередко сюда поступают покойники с бумагами, драгоценностями и ценностями, о существовании которых никто не знает; но благодаря честности работников всё это находится и возвращается семьям, когда удаётся их разыскать.

Два года назад здесь произошёл любопытный случай. Сюда доставили убитого человека, при котором ещё оставались золотые часы. Несколько дней спустя часы исчезли из канцелярии.

На некоторое время подозрение пало на персонал Морга; но тщательное расследование, произведённое Главным контрольным управлением, установило, что служащие не имели отношения к этой краже.

Позднее эти часы послужили причиной ареста убийцы. Под предлогом сделать заявление он вошёл в канцелярию и похитил драгоценную вещь, на время положенную на полку; затем отправился продать её старьевщику.

Когда служащий канцелярии заканчивал рассказ, дверь отворилась и вошёл доктор Тардье.

После представления друг другу судебный медик осмотрел обе ноги, извлечённые из колодца, и заключил, что они должны были принадлежать пожилому человеку и составля-

ли часть того же тела, что бедро, найденное у моста Сен-Пер, и бедренная кость, поднятая из сточной канавы на улице Жакоб.

— Нет никакого сомнения, перед нами останки тела погибшего мужчины.

— Можно ли по исследованию этих останков узнать, каким ремеслом занимался этот человек?.. Портной, например, постоянно сидит со скрещёнными ногами; и с течением времени от этого должны появляться определённые углубления в очертаниях конечностей или мозоли в некоторых местах...

— На наружном крае ступней нет ничего необычного, и на пятом пальце ноги не имеется никакой мозоли.

Я сообщил господину Тардьё о желании, высказанном накануне торговцем сырами. Мне как раз доложили о его прибытии в Морг. Доктор ответил, что не видит никаких препятствий к тому, чтобы показать ему ноги.

Я велел впустить Бекруа в секционный зал.

Это квадратное, вымощенное плитами помещение освещалось окнами со ставнями-жалюзи. Поверх плит пол покрыт чем-то вроде деревянной решётки, чтобы под ногами не раздавливались кусочки плоти, которые могли упасть с секционного стола, а обувь присутствующих не соприкасалась с водой и кровью, стекающими с трупа.

Посередине, на одной опоре, стоит узкий, длинный и слегка вогнутый свинцовый стол. Этот стол легко поворачивает-

ся на своей опоре, что позволяет выставить на яркий свет те части тела, которые требуют наиболее тщательного исследования.

На этом же самом столе производятся также очные ставки убийц с их жертвами. Именно возле него следственный судья, пристально глядя убийце в глаза, велит ему рассмотреть нанесённые им раны и повреждения.

И когда судья не может добиться истины от живого обвиняемого, врач несколько мгновений спустя старается получить её, заставляя заговорить тело мёртвого.

Мраморный фонтан, имеющий форму большой раковины и вмещающий около ста литров воды, служит для промывания кусков плоти, подвергаемых специальному исследованию.

Нередко можно видеть, как в этом бассейне одновременно плавают кисть руки, ступня, рука, нога, голова. Независимо от того, спускают ли воду из фонтана или наполняют его, эти разрозненные части одного или нескольких тел кружатся одна вокруг другой, сталкиваясь в своих беспорядочных движениях, словно в пляске смерти.

Доктор Тардьё распорядился разложить на секционном столе бедро, найденное 17 декабря у моста Сен-Пер, бедренную кость, подобранную в сточной канаве на улице Жакоб, и обе ноги, извлечённые из колодца на улице Пренсес.

Бекруа внимательно осмотрел эти человеческие останки; затем он заявил, что совершенно определённо узнаёт обе но-

ги своей жены; относительно бедра он высказывался уже не столь уверенно. Что касается кости (бедренной), то её он не узнавал.

— Так вам очень хочется стать вдовцом? — спросил его доктор.

— Почему же?

— Потому что эти конечности принадлежат лицу мужского пола.

— Этого я не знаю... Но всё равно я узнаю ноги своей жены; уж я-то их видел, чёрт возьми!

— Сколько лет было вашей жене?

— Двадцать четыре года.

— Какого она была роста?

— Высокого.

— А ступни?

— Совсем маленькие, маленькие, как моя ладонь.

— Не было ли на одной из её ног раны или рубца после золотушного нарыва?

— Нет, ничего такого.

— Обычно ноги у неё были чистые? В Морге такое встречается настолько редко, что стоит это отметить.

— Нет, и этого тоже не было; но всё равно моя Коллетта была красивой женщиной.

— А эти носки, к концам которых пришиты верхние части женских чулок... и этот обрывок суконных брюк... всё это тоже принадлежит вашей жене?..

— Нет, но это вещи Майё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.